

КОНСТАНТИН САХАРОВ

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ, УЧАСТНИК РУССКО-ЯПОНСКОЙ
ВОЙНЫ, ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, ВИДНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ
БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ

БЕЛАЯ

СИБИРЬ

ВНУТРЕННЯЯ ВОЙНА
— 1918–1920 —

КРАСНЫЕ
И БЕЛЫЕ

Красные и белые (Центрполиграф)

Константин Сахаров

**Белая Сибирь. Внутренняя
война 1918-1920 гг. (сборник)**

«Центрполиграф»

1923, 1930

УДК 94
ББК 63.3(2)612

Сахаров К. В.

Белая Сибирь. Внутренняя война 1918-1920 гг. (сборник) /
К. В. Сахаров — «Центрполиграф», 1923, 1930 — (Красные и
белые (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-07491-1

Генерал К. Сахаров закончил Оренбургский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище и академию Генерального штаба. Георгиевский кавалер, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. Дважды был арестован: первый раз за участие в корниловском мятеже; второй раз за попытку пробраться в Добровольческую армию. После второго ареста бежал. В Белом движении сделал блистательную карьеру, пиком которой стало звание генерал-лейтенанта и должность командующего Восточным фронтом. Однако отношение генералов Белой Сибири к Сахарову было довольно критическое. Его даже считали одним из главных виновников поражений на фронте. К. Сахаров описал события на востоке России с осени 1918 года до весны 1920 года. Все им изложенное является результатом лично пережитого.

УДК 94
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-227-07491-1

© Сахаров К. В., 1923, 1930
© Центрполиграф, 1923, 1930

Содержание

Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 годов	7
От автора	8
Глава 1	10
1	10
2	13
3	17
4	26
5	30
6	36
7	38
Глава 2	42
1	42
2	47
3	50
4	55
5	58
6	62
7	65
8	69
9	72
Глава 3	76
1	76
2	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Константин Сахаров
Белая Сибирь. Внутренняя
война 1918–1920 гг

Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 годов

Мы проходили через селения, разоренные Пугачевым, и поневоле отбирали у бедных жителей то, что оставлено было им разбойниками.

Они не знали, кому повиноваться. Правление было всюду прекращено. Помещики укрывались по лесам. Шайки разбойников злодействовали повсюду. Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных. Состояние всего края, где свирепствовал пожар, было ужасно. Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестоко-сердые, которым и своя шейка – копейка, и чужая головушка – полушка.

А. С. Пушкин. Капитанская дочка

От автора

Пользуясь первым выпавшим мне свободным временем, я намерен записать, хоть коротко, последовательный ход событий в восточной части России за 1918, 1919 и 1920 годы. Как один из участников и очевидцев этих событий, я не вправе, понятно, произнести какой-либо приговор, не собираюсь также изрекать истин, делать окончательных выводов. Истина лежит вне усилий единоличных, приговор скажет беспощадная и справедливая история, а правильные выводы сделает сама жизнь.

Моя цель – исполнить только мой долг: записать для моих соотечественников, совершенно правдиво и беспристрастно, те условия, в которых проходила борьба антибольшевиков, то есть побуждающие причины, что двигали и управляли этой борьбой, раскрыть состояние и настроение народных масс, показать приемы борьбы и те обстоятельства, которые повлияли на ее неуспех.

Глубокая вера живет в нас всех, что Родина – великая Россия не может исчезнуть, что она возродится, несмотря на все противодействия, от кого бы они ни исходили. Народ, сумевший в течение своей тысячелетней истории образовать величайшую в мире империю, давший человечеству дары блестящего гения, вынесший из своей массы плеяды мировых писателей, ученых, художников и композиторов; страна, спасавшая не раз Европу и общечеловеческую культуру, воспитавшая в себе дух самопожертвования, поставившая искание правды и нравственной справедливости превыше материальных благ; народ, всегда искавший Бога, – такие страна и народ не могут погибнуть или ассимилироваться с другой культурой, чуждой русским историческим путям и задачам.

Возрождение России будет скорее, чем многие предполагают; оно придет изнутри, из масс самого народа. Наша общая вера в нашу Родину и ее судьбы оправдается; наша общая работа и великие жертвы русского народа не пройдут безрезультатно.

Восстанавливать свой разрушенный дом мы должны сами, своими руками. Преступно рассчитывать, что кто-то может сделать это за нас. Нет сомнения, мы имеем друзей среди других стран, народов и наций. Но не надо ни на минуту забывать, что все эти друзья заняты своими собственными делами и заботами, почти никто из них не уясняет да и не может уяснить себе истинного состояния масс и необъятных пространств России и не знает ни исторического хода развития нашего государства, ни лежащего теперь перед ним правильного и исторически-естественного пути. Да кроме того, обычно эти иностранные друзья при своей помощи восстановлению государства Российского руководствуются своими эгоистическими целями. И эти скрытые цели всегда противоположны интересам России, вредны для нее.

Нам самим зачастую трудно понять и уяснить происходящее. Ведь от разности этого понимания и затянулась так гражданская братоубийственная война, – от разности понимания или от незнания, незнакомства со многими событиями, настроениями и руководящими целями.

Чтобы успешно действовать, строить, надо правильно оценить условия и взять верное направление; а чтобы правильно судить, необходимо знать возможно подробнее и полнее о той совокупности внутренних и внешних факторов, которые влияли на жизнь нашей страны. Надо знать правду о России. Чтобы людям правильно выполнить свою задачу завтра, им необходимо быть осведомленными о том, что было сделано сегодня и вчера и как было сделано.

Цель настоящей книги – раскрыть это вчерашнее. Предмет ее – описание событий в Восточной России с осени 1918 до весны 1920 года.

Все написанное является результатом лично пережитого. Мне пришлось работать в исключительных условиях, находясь почти в самом центре этого огромного русского напряжения, среди больших русских людей и патриотов.

Очень хотел бы этой книгой помочь и иностранцам, расположенным искренне к России, желающим принести ей пользу, и всем друзьям нашей Родины, – разобраться немного в русском вопросе и получить представление о том, что нужно России и русскому народу. Для этой цели необходимо показать тот, может быть невольный, но большой вред, какой принесла русскому народу пресловутая интервенция союзников-иностранцев. Представляю факты, встречи и действия в их неприкрашенном виде; пусть это не будет истолковано как результат недружелюбного чувства, как результат каких-либо ориентаций. Нет, но при описании такого сложного процесса борьбы, при беспристрастном рассказе событий нет возможности все хвалить или обходить неприятные стороны молчанием.

А мое стремление – дать полный очерк всего хода событий и беспристрастное описание их. Если невольно, местами иногда проявится мое личное чувство и излишние подробности, прошу снисходительности, так как все пережитое очень еще свежо и слишком больно затронуло оно каждое русское сердце.

*Нью-Йорк
Октябрь, 1920 г.*

Мой труд, написанный по свежей памяти и с использованием части сохранившихся и собранных документов, пролежал два с половиной года. Многие обстоятельства делали его опубликование преждевременным и нежелательным.

Теперь, когда препятствия эти устранены, я имею возможность напечатать книгу о Белом движении в Сибири, руководимый той целью, о которой говорю выше.

Некоторые собственные имена мною поставлены лишь в инициалах, – из-за опасения повредить людям достигаемым для Чрезвычайки 3-го Интернационала. Но все эти фамилии у меня имеются, и, когда придет время, они займут в книге свое место. Точно так же я нахожу еще рано давать подробности и освещение некоторых фактов, останавливаясь более детально на характеристиках и оценке деятельности отдельных лиц, равно и опубликовывать часть документов, оставляя все это до другого раза.

При выполнении настоящего труда я начал подбирать и систематизировать материалы, касающиеся Белого движения в Сибири, и буду продолжать это дело; буду весьма признателен, если кто-либо из участников Гражданской войны в восточной части России найдет возможность поделиться со мною новыми документальными данными. Со своей стороны, все собранные документы, включительно до нескольких собственноручных адмирала А. В. Колчака и других деятелей, будут мною переданы в русский официальный архив, когда таковой снова появится после свержения в России власти большевиков.

Рисунки, помещенные в этой книге, принадлежат карандашу поручика Михайловского стрелкового полка Л., давшего их мне еще летом 1919 года. Его, лиц, помогших мне доставлением документов и в подыскании новых, а также всех, оказавших помощь при печатании моего труда, прошу принять мою искреннюю благодарность.

*Мюнхен
Июль, 1923 г.*

Глава 1

Борьба за власть

1

После долгих и трудных странствий, частью верхом, частью на телеге, через киргизские песчаные степи, приехали мы с женой из Астрахани в Уральск, дважды перейдя красный фронт. Впервые после почти годового пребывания в Советской России и после шестимесячного заключения в большевицкой тюрьме я попал в город, где свободно развевался русский национальный флаг. Была осень 1918 года. По всей шире Руси от Карпат и до Тихого океана вспыхнули восстания против большевиков. Самые разнообразные слои, классы и национальности русского народа поднялись против угнетателей и кровавых тиранов, захвативших власть в стране именем народа и для народа. Русь восстала против интернационала.

Эти восстания были разрозненны и неорганизованны. Это было чисто стихийное движение. Только на Волге и к востоку от великой русской артерии восстания русских людей нашли помощь и поддержку в Чехословацком корпусе, примкнувшем к ним в своем стремлении пробить путь на восток.

Отрывочные сведения обо всем этом доходили и в большевицкий стан, достигали и Астраханской тюрьмы, где нас сидело свыше ста офицеров; сердца были полны надеждой, казалось, что все мы, русские люди, довольно уже научены пережитой революцией, чтобы не делать снова ошибок, чтобы объединиться для общей работы по очистке нашего дома России от большевицкой нечисти.

Уральск напоминал растревоженный муравейник. Все население жило одним общим интересом – разбить красные полчища большевиков, отнять у них Саратов и Астрахань для соединения с Добровольческой армией генерала Деникина. В станицах проходила мобилизация, и все мужчины шли в ряды сражающихся; не хватало винтовок, шашек и пик, – шли с вилами и косами, составляя особые отряды для поддержания первой линии.

Все политические лозунги были отброшены. Одна мысль управляла этим народным движением: покончить с большевизмом и тогда заняться разрешением вопросов внутреннего устройства. В этом казаки сходились с самарскими и саратовскими крестьянами и соединились с ними для борьбы против общего врага.

В Уральске впервые пришлось узнать отголоски правдивого положения на новом белом фронте. Грустными, похоронными аккордами прозвучали известия с Волги.

– Казань отдали большевикам...

– Сколько там погубили людей. Какие огромные запасы оружия и военного имущества оставили красным...

– Пал Симбирск...

– Самарское правительство не желает поддерживать казаков и Сибирскую армию...

Помню заседание Уральского казачьего круга и доклад на нем делегатов, вернувшихся из Уфы с так называемого Государственного совещания. Зал наполнен серьезными бородами казаками, только отдельными пятнами мелькают пять-шесть молодых безусых лиц; глаза у всех смотрят пытливо и напряженно; так искренно, с таким страстным желанием найти правильный путь, путь объединения в борьбе. И иметь в ней успех. Полная тишина и порядок, в отличие от всех шумных и говорливых собраний 1917 года.

Два казака, приехавшие из Уфы, делают доклад. Тихо и медленно говорят они по очереди; каждое слово их звучит в этой тишине так четко, как благовест ночного колокола.

– ...Образовали Российскую директорию из пяти лиц: Авксентьев, генерал Алексеев, Чайковский, Астров и Вологодский; так как некоторым прибыть сейчас нельзя, то будут их заместители; сейчас состав такой: председатель директории Авксентьев; члены: генерал Болдырев, Вологодский, Зензинов и Виноградов.

Порешили на совещании, что вся полнота власти сосредоточивается у директории. Все остальные правительства должны подчиниться ей...

Мы подписали за уральское казачество это обязательство, чтобы Россия могла объединиться в борьбе против большевиков.

Ни слова возражения. В глазах и на лицах спокойная радость удовлетворенных ожиданий и окрепшей надежды.

– Согласен ли круг и одобряет ли действия избранных делегатов? – спрашивает председатель.

– Согласны, согласны... – проносится дружное эхо всего круга...

Из Уральска я отправился автомобилем в Бузулук, чтобы оттуда проехать через Самару в Уфу, в новый Главный штаб для получения назначения.

Путь до Бузулука, сам этот городок самарских черноземных степей, дальше тряский вагон до Самары, набитый пассажирами так, что в четырехместном купе нас уплотнилось десять человек, – все дышало какой-то сумятицей, взволнованностью, неуверенностью. Крестьяне бузулуцкого большого села Марьевка, где мы остановились на ночлег из-за поломки автомобиля, жаловались мне на чехов и на новое правительство учредителей за то, что те произвели жестокую экзекуцию этого села.

– Вишь ты, ваше благородье, или как тебя называть, не знаем, – у нас некоторые горляпы отказались идти в солдаты, ну, к примеру, как большевики они. А мы ничего, мы миром решили идти. Скажем так: полсела, чтобы идти в солдаты, а полсела – против того.

Пришли зато две роты чехов и всех перепороли без разбору, правого и виноватого. Что ж, это порядо-ок?

– Да еще как-то пороли! Смехота! Виновных-то, самых большевиков, – не тронули, а которых хорошие мужики – перепороли. Вон дядя Филипп сидит, сидеть не может, а у него два сына в солдаты в Народную армию ушли.

Крестьяне сочувственно и безобидно засмеялись, а дядя Филипп неловко заерзал на лавке.

– Что ж, барин, и когда конец будет этому? Кто порядок-то установит? – обратился ко мне с вопросом старый крестьянин в армяке и лаптях.

Все сдвинулись ближе.

Я старался объяснить им, что теперь порядок можно установить только самим нам, всем сообща, покончив с большевиками. Слушали крестьяне молча, а в конце дядя Филипп ответил за всех:

– Эх, не то, барин, – нам бы какая власть ни была – все равно: только бы справедливая была, да порядок бы установила. Да чтобы землю за нами оставили. Если бы землю-то нам дали, мы бы все на царя согласились.

– Да уж чего тогда бы лучше! – раздались голоса в толпе.

Меня, как жившего в Самарской губернии раньше, до войны, не удивил этот заключительный аккорд, так как тамошние крестьяне всегда отличались большим, почти святым почтением царя; все они большие хлебоборы, и редкий делал запашку меньше чем двадцать – двадцать пять десятин. Постоянная мечта их была разжиться землицей, прикупить ее; ну а здесь такая благодать – даром свалилась.

Но меня поразило, что наши дивные черноземные самарские степи, эта житница России, лежали теперь почти нетронутыми. Десятки верст пробегал автомобиль, далеко, до самого горизонта уходила волнистая плодородная степь, и только редкими местами попадался табор

пахарей или плуг в работе среди черного блестящего вспаханного поля. В прежние годы, в сентябре, бывало, вся степь была черным-черна, вся грудь ее распахана для нового весеннего посева.

В селе Марьевка несколько тысяч населения и, несмотря на будни, почти все оставались дома. На мой вопрос о причинах такой перемены как раз теперь, когда они завладели всей землей, крестьяне ответили так:

– Видишь, барин, нам это неспособно: одно дело, кто землю-то нам продал? Неизвестно. Какие они права имели землю-то отдавать? Ее распашешь, а потом отвечай. А другое дело война, – все равно пропадет. Ты посеешь, потрудишься, а Красная армия придет, половину стравит, а другую половину отнимет...

В Бузулуке я увидел 1-й полк новой Народной армии. Без погон, со щитком наподобие чешского на правом рукаве, почему-то с георгиевской ленточкой, вместо кокарды, на фуражке. Вид полутоварищеский. Сам городок, обычно шумный, центр одного из наиболее хлеботорговых уездов России, жил теперь тихой, спрятанной жизнью, точно дом, из которого уехали главные хозяева.

В вагоне пришлось ехать вместе с несколькими офицерами. Два из них сидели, а одному места не хватило, стоял. В углу же разместился какой-то железнодорожник с яркой желто-голубой «украинской» ленточкой в петличке и на утрированно хохлацком жаргоне разглагольствовал о «самостийной Украине». Слушал его поручик, слушал да и говорит:

– Вот что, пане добродию, вылезайте-ка из угла, я хочу сидеть. Дорога-то ведь наша русская, да и Самарская губерния тоже Россия, ей в Украину не попасть.

– Как так? Позвольте, какое вы имеете право? – перешел на литературный русский язык желто-голубой железнодорожник.

– А такое, пане добродию, что я русский, значит, здесь дома у себя, хозяин. Вот поезжайте на Украину, там и посидите. Ну, вылезайте!

Сконфуженно оглядываясь, под смех остальной публики вышел новоявленный украинец из купе и даже из вагона.

Ехали и делились впечатлениями, интересами текущих дней, событиями войны с большевиками. Офицеры Народной армии высказывали недовольство отношением к ним и их полкам Самарского правительства, что развели опять политику, партийную работу, скрытых комиссаров, путаются в распоряжениях командного состава; начали чехословаков втягивать во внутреннюю политику, проводя среди них то же, что Керенский проводил в 1917 году в русской армии для ее развала.

Выяснялось, что Самарское правительство учредителей пропагандирует всячески против Сибирского правительства и Сибирской армии, называя их «монархическими и контрреволюционными»; а в то время если что и можно было поставить в вину сибирякам, то это их слишком сильный крен в сторону социалистов-революционеров.

Оказалось, что много надежд возлагалось в то время русскими людьми на союзников. Как раз в то время прозвучали торжественно на весь мир ноты английская, французская, итальянская, японская и американская. Все они призывали русский народ к продолжению войны против Германии и «их прислужников и агентов, большевиков». Все они заявляли о своей готовности активно поддержать в этом Россию и клялись, что не преследуют никаких личных целей, что ни одна пядь Русской земли не будет никем занята.

До чего была сильна и наивна эта вера русских в помощь союзников! Одна девушка-курсистка, ехавшая из Бузулука на высшие курсы в Самару, уверяла, что на Волгу направляются пять японских дивизий, что «в Самару приехали уже триста японцев-квартирьеров»...

Подтверждались тревожные слухи с Волжского фронта. Передавали об ужасной ситуации в Казани, где Лебедев и Фортунатов, два партийных работника, забрали власть в свои руки, митинговали с рабочими во время боев, вели переговоры с большевиками и предали армию.

Самара произвела жуткое впечатление. Большой город, центр торговли Поволжья, с несколькимистами тысяч жителей, казался обреченным местом, ждущим своего приговора и часа. Огромная толпа, улицы полны народом, но все движется тихо, без обычного шума. Почти на всех лицах написано боязливое, тревожное ожидание и мольба о спасении.

Многие из слухов подтвердились. Я нашел здесь своего однокашника по кадетскому корпусу, полковника С. А. Щелихина, который исполнял должность начальника штаба Народной армии при командующем Волжским фронтом, чешском поручике Чечеке, произведенном учредителями в генерал-майоры. Вот какими приемами искали они себе опору и сторонников!

Положение было хуже 1917 года; чехи под влиянием пропаганды уже разваливались, воевать не желали; Народная армия была крепка только офицерами и добровольцами, да и то в частях, к которым эсеры получали доступ, там исчезала дисциплина, а с нею вместе и боеспособность. Только отряды полковников Каппеля и Степанова оказывались всюду сильны и духом, и боевыми качествами, так как эти начальники не подпускали и близко к своим войскам социалистов.

Они брали Казань, Симбирск. Каппель проявлял прямо чудеса маневра со своим маленьким отрядом. Но в Казань, сейчас же по взятии ее, нагрянули эсеры и так все перепортили, что наши едва успели уйти, некоторые там и остались большевикам. Бросили одного сукна на пятимиллионную армию, более ста аэропланов с огромным имуществом, массу пулеметов, патронный завод; в Симбирске оставили огромный инженерный парк всей императорской русской армии.

А все оттого, что учредители мешали и противодействовали вывозу: боялись, что все это может попасть в руки Сибирской армии. А понятно, по Волге почти все можно было вывезти.

От других офицеров пришлось слышать рассказы о таких же беспорядках в Хвалынске, Вольске, Николаевске. Офицерство и добровольцы были возмущены до крайности.

– Мы не хотим воевать за эсеров. Мы готовы драться и отдать жизнь только за Россию, – говорили они.

– Такое предательство, хуже 1917 года, – горячо рассказывал мне капитан, трижды раненый в германскую войну и два раза уже в боях с большевиками. – Как только успех и маломальски прочное положение, они начинают свою работу против офицеров, снова направляют массы, мутят солдат, кричат о какой-то контрреволюционности. А как опасность, так офицеры вперед. Посылают прямо на уничтожение целые офицерские батальоны...

Когда я приехал в Самару, оттуда шла уже спешная и довольно беспорядочная эвакуация, управляемая чешскими комендантами.

– Завтра¹ будут брать места в поездах уже с револьверами в руках...

2

С большими трудностями и неудобствами, бесконечно долго простаивая на самых маленьких станциях, добрались до Уфы.

Здесь на вокзале стоял оцепленный чешскими часовыми поезд, состоявший из шести классных пульмановских вагонов. Часовые никого не пропускали, образовав на платформе около вагонов большой свободный полукруг.

– Чей это поезд? – спросил я одного чеха.

– Нашего генерала Дитерихса.

– Какого Дитерихса, русского генерала?

– Ну да, а теперь он нами командует, наш генерал.

– Могу я его видеть?

¹ Это было 19 сентября 1918 года. (Здесь и далее примеч. авт.)

– Да, только его сейчас здесь нет, он поехал в город автомобилем на совещание с директорией.

Отправился я в штаб Верховного главнокомандующего генерала Болдырева, члена директории. И штаб, и директория, и все ее канцелярии помещались в большой «Национальной гостинице». Здесь сразу пришлось окунуться в обстановку, напоминавшую до жуткости недоброй памяти дни лета и осени 1917 года. Та же беспорядочно снующая без дела толпа, масса юрких штатских брюнетов с горбатыми носами, всюду грязь, неубранный сор, стучат пишущие машинки, здесь же доступный для всех телеграф с армейскими аппаратами Юза.

Шел длинными коридорами, ни от кого не мог добиться толку, как пройти к начальнику штаба. Наконец в самом конце коридора, при входе в ресторанный зал один офицер мне помог.

– Да вон он сидит у стола, генерал Розанов, начальник штаба.

Опять старый знакомый, еще с довоенного времени, с которым вместе сражались в памятных героических Люблинских боях августа 1914 года. Тепло встретились. Оказалось, что генерал Розанов только несколько дней сам прорвался через большевицкий фронт.

– Шел в красной рубаше, как простой крестьянин. Сначала свои пускать не хотели, взяли под подозрение.

Рассказал коротко ему и мои злоключения у большевиков в тюрьме, случайное спасение и как дважды пробирался через их фронт.

Здесь же встретил своего давнего приятеля, полковника Генерального штаба Д. А. Лебедева, который работал на Дону вместе с генералами Корниловым и Алексеевым, а теперь пробрался сюда из Добровольческой армии через Москву. Затем вскоре подошел уральский казак, генерал-майор Хорошкин, оказавшийся однокашником по кадетскому корпусу.

Оба они были в Уфе уже несколько недель, с самого Государственного совещания. Несколько часов проговорили мы; оба они по очереди, один дополняя другого, нарисовали мне обстановку, военную и политическую, среди которой родилась Российская директория.

Из рассказов еще многих очевидцев тех дней и из тогдашних уфимских газет устанавливается такая картина. После начала восстания, когда отряды русских офицеров и добровольцев, поддержанные чехословаками, свергли иго большевиков и рассеяли их красноармейские полки, образовалось много местных правительств. В Самаре знаменитый Комуч (Комитет членов Учредительного собрания, или, как тогда больше называли, учредиловки), в Уральске – казачье правительство, в Оренбурге – атаман Дутов с Оренбургским казачьим кругом, в Екатеринбурге – Уральское горное правительство, образованное евреем Кролем и имевшее всего один уезд территории, в Омске – Сибирское правительство, в Чите – атаман Семенов, на Дальнем Востоке, в Харбине и Владивостоке одновременно три правительства: генерала Хорвата, еврея Цербера и коалиционное.

В то же время отряды чехов были рассредоточены по всей линии Великого Сибирского пути, от Волги до Тихого океана, их военное начальство и политический комитет отдавали свои распоряжения и пытались также управлять.

Получалась полная разногласица и сумбур. Тогда было созвано в Уфе Государственное совещание для выбора единой авторитетной российской власти.

В совещание вошли представители большинства перечисленных правительств, все наличные члены первого эсеровского Учредительного собрания, партии меньшевиков, эсеров, умеренных социалистов, кадетов и представители от некоторых казачьих войск. Состав крайне пестрый, не выражавший народных масс (как и все собрания начиная с марта 1917 года) и с сильным преобладанием партийных социалистических работников; последние определенно вели линию этого совещания за признание Комуча как правительства Всероссийского.

Но на это не шли остальные члены совещания – несоциалисты. Дело чуть не расстроилось.

Вот тогда-то выступили на сцену чехи. Их политический руководитель доктор Павлу заявил на этом совещании от имени Чехословацкого корпуса, что если не будет образована единая власть, то чехи бросают фронт; причем было произведено им еще одно давление на совесть собравшихся и заявлено: чехи полагают, что единственным законным и революционным правительством будет то, которое признает Учредительное собрание первого созыва и которое будет в свою очередь признано и поддержано этими «учредителями». Для всякого русского было ясно, что под этим подразумевались социалисты-революционеры, то есть партия, ввергшая под руководством своего лидера Керенского в 1917 году Россию в бездну разрушения, позора и гражданской войны.

Заявление Павлу, однако, заставило всех пойти на открытые уступки, оставив втайне свои истинные намерения. Очень быстро было достигнуто соглашение, которое и подписали все участники Уфимского государственного совещания.

В качестве всероссийской власти признавалась избранная этим же совещанием директория из пяти лиц под председательством Авксентьева, ближайшего сотрудника и партийного товарища Керенского. Далее следовал пункт, что директория ответственна в своих действиях перед Учредительным собранием первого созыва и что, как только соберется определенное число членов его (помнится, 250), директория обязана передать всю полноту власти этому кворуму учредителей.

Директория вступила во власть, то есть начала на бумаге отдавать распоряжения, писать к народу воззвания, выпускать международные декларации. Собиралась образовывать кабинет министров, причем еще на совещании было обещано взять готовый аппарат министров от Сибирского правительства в Омске. Почти все соглашение сделано в угоду Комучу, который примазался к Народной армии, восставшей на борьбу против большевиков.

Имея в своем составе более 60 процентов иудеев, учредилорцы, с присущим своей партии апломбом, не постеснялись еще раз назваться избранниками русского народа, не остановились перед преступной игрой еще раз на русской крови. Какое самодовольство звучало в словах – фронт Учредительного собрания!

И как раз теперь, когда все было сделано по их вожелениям, когда власть вторично после революции попадала в руки той же партии, она показала себя совершенно неспособной к какой-либо не то что творческой, а просто плодотворной работе.

Падали один за другим города на Волге. Отданы Хвалынский, Вольск, Сызрань, Самара, дальше отступили и очистили Нинель, Бугульму и подходили к Уфе. Вся местность, громко называвшаяся «территорией Учредительного собрания», оказалась уже к началу октября в руках большевиков.

Директория спешно укладывала чемоданы и готовилась к переезду. Куда? Вот вопрос, вставший перед всеми. Сначала хотели в Екатеринбург, как центр Урала и, так сказать, независимый город. Но казалось, слишком близко от боевого фронта и слишком ненадежно. Решено было ехать в Омск, в столицу Сибирского правительства, хотя здесь как-то сама собою напрашивалась всем мысль, что директория едет в гости, на готовое к сибирякам, у которых был уже сконструирован работоспособный аппарат управления, образована сильная армия; мобилизация среди крестьян и рабочих Сибири прошла так успешно, что была несомненна полная поддержка Сибирского правительства всем населением.

В Уфе я на несколько лет расстался со своим верным другом, – моя жена решила ехать в Саратов к оставшимся там детям, чтобы попытаться их вывезти ко мне на восток. Надежным путем была доставлена она в Нинель, где проходил тогда отступавший чешско-учредилорский фронт, оттуда на лошадях направилась в Самару. Исчезла надолго в кровавом тумане, которым социалисты-большевики окутали Русскую землю...

По приезде в Омск директории и разноцветной толпы беженцев сразу обнаружилось течение масс не в ее пользу; с другой стороны – директория оказалась настолько несостоятель-

ной, что почти никто с нею не считался. Один раз, например, вечером в гостиницу «Европа», где жили члены директории, явились несколько человек из партизанского отряда Красильникова с криками, что они пришли арестовывать директоров. Этот скандал удалось локализовать только самому Верховному главнокомандующему генералу Болдыреву; но никаких мер воздействия, никакого наказания виновных фактически в государственном преступлении директория провести не могла. Власть была до того бессильна, что на вопросы генерала Болдырева к некоторым из кадровых офицеров «Какое место вы желаете занять?» он получал в ответ: «Я не желаю вовсе служить здесь, с эсерами...»

В народных массах к директории относились совершенно безразлично, слои интеллигентные неодобрительно, а армия на фронте буквально начинала ее ненавидеть и глухо волновалась, спрашивая, за кого же и для чего она будет проливать кровь и жертвовать жизнями, раз нет веры и нет малейшей очевидности, что новая мифическая власть может спасти и оздоровить Россию.

А признаки, подтверждавшие этот печальный вывод, все сгущались и увеличивались. Директория была в Омске более двух недель и все еще не могла сговориться об образовании общего российского аппарата министерства. Делами продолжал управлять Сибирский кабинет, причем один из его самых энергичных членов, сибирский военный министр генерал Иванов-Ринов, поехал в Читу и на Дальний Восток, чтобы там на местах наладить формирование армии и дело снабжения ее нашими русскими запасами и присланными от союзников.

В Омске шли долгие переговоры, различные персональные перестановки в проекте состава кабинета. Но дело не двигалось.

Адмирал А. В. Колчак (сидит), А. В. Тимирева (сидит рядом), генерал А. Нокс и английские офицеры Восточного фронта

В конце сентября приехал в Омск из Харбина адмирал Колчак в качестве частного лица и даже в штатском платье. Я был у него на третий день приезда, и мы проговорили целый вечер. Адмирал рассказывал мне подробно о своих поездках в Америку и Японию, о положе-

нии на Дальнем Востоке, о роли разных союзников-интервентов, причем смотрел он на все мрачными глазами. Он тогда, еще в октябре 1918 года, высказывал мысль, что союзники преследуют какие-то скрытые цели, что поэтому мало надежды на помощь с их стороны.

– Знаете ли, мое убеждение, что Россию можно спасти только русскими силами. Самое лучшее, если бы они совсем не приезжали, – ведь это какой-то новый интернационал. Положим, очень уж бедны мы стали, без иностранного снабжения не обойтись, ну а это значит попасть им в зависимость.

Я намерен пробраться в Добровольческую армию и отдать свои силы в распоряжение генералов Алексеева и Деникина, – закончил адмирал Колчак.

Около того же времени прибыл особым поездом, с пулеметами и целой командой, одетой в новенькую солдатскую форму с сине-белыми погонами, член Комуча Роговский. На вопросы, что означает такой приезд и каково назначение сине-белого отряда, Роговский давал ответ:

– Я прибыл в качестве министра полиции нового кабинета, а отряд мой есть кадр новой полиции, которую я начну образовывать по всей территории.

– ?!

Оказалось, что председатель директории Авксентьев дал в Уфе обязательство своей партии обеспечить портфель министра полиции для члена Комуча, которым и был намечен Роговский. Шито было слишком белыми нитками. Несомненно, что если Роговский образует всюду свою полицию, партийную эсеровскую, то фактически вся власть в стране попадает в руки опять этой злосчастной партии. На это никто не шел. Соглашение, почти достигнутое с сибиряками, вновь расстроилось.

В те дни часто произносилось незнакомое для меня имя генерала Нокса, причем многие говорили: вот подождите – приедет Нокс... Как будто его приезд, этого английского генерала, мог многое изменить, создать и дать опору. Я недоумевал, искал объяснения и не мог найти.

– Погодите, вот приедет Нокс – увидите, – отвечали мне.

3

Вскоре генерал Нокс прибыл в Омск в особом довольно скромном поезде в сопровождении небольшой свиты. Ему устроили почти царскую встречу, директория в полном составе была на вокзале, город и станцию разукрасили флагами, национальными и новыми сибирскими, бело-зелеными. Шпалерами стояли и парадировали молодые сибирские войска, одетые в шинели из мешочного холста.

В этот день, проходя по мосту через речку Омь, я встретил двух офицеров в английской форме. Один из них был полковник британского Генерального штаба Нильсон, мой хороший знакомый по могилевской Ставке в августе 1917 года, настоящий офицер; другой – русский полковник П. Родзянко, принятый на службу англичанами. Обрадовавшись друг другу, обменялись первыми фразами, – так много воды утекло с памятных нам Корниловских дней. Нильсон взял с меня обещание прийти к нему на чашку чая в тот же день вечером.

Генерал А. Нокс

Надо сказать, что между офицерами всех армий, настоящими офицерами, существует особая связь, стирающая в обычное время даже национальные грани. Недаром социалисты называли офицерство враждебно-презрительно кастой. Да, каста-корпорация, общество культивированной чести, самопожертвования и даже подвига. Без этого не может существовать ни одна армия, а значит, и ни одна страна. Этот дух культивировался веками и представляет одно из самых ценных составных человеческой цивилизации. Дух этот общий, присущий всем нациям. Оттого-то и чувствовали себя офицеры разных армий как бы членами одного ордена, братьями по духу, носителями одних традиций. Очевидно, оттого-то на русских офицеров и

направился первый и полный ненависти удар со стороны разрушителей старой мировой христианской культуры, социалистов.

Генерал Нокс оказался очень общительным человеком: типичный англичанин, высокого роста, с моложавым не по летам лицом, в высшей степени smart, довольно хорошо говорил по-русски. От него я узнал, что Англия готова помогать антибольшевицким русским армиям оружием, патронами, всяким военным снабжением и обмундированием на 200 тысяч человек; кроме того, посылает в Сибирь несколько сот своих офицеров в качестве инструкторов на помощь нам, русским офицерам. Для активной помощи направляется два батальона английских войск, Мидлсекский и Хэмпширский, и целая дивизия в полном составе из Канады.

Прямо в глазах зарябило от таких цифр. Чисто британский жест. Ведь это все обещало действительную помощь в восстановлении нашей Родины, великой России, и давало нам полную надежду.

В поезде генерала Нокса встретил нашего русского генерал-майора Степанова, тоже старого знакомого еще в Ставке в дни совместной борьбы против развала армии комиссарами и комитетами Керенского. Генерал Степанов приехал с Ноксом из Владивостока, подтвердил все, сказанное им, и от себя добавил много интересного о личности этого генерала, его исключительно дружественных чувствах к России, о его планах, как лучше осуществить эту помощь нам.

В это время с фронта приходили тревожные вести. С одной стороны, чехи отказывались воевать, ссылаясь на усталость и на то, что они хотят ехать драться против немцев на Французский фронт; а с другой стороны, наша новая, молодая русская армия, теперь объединенная номинально под командованием генерала Болдырева из частей Сибирской и Народной армий, волновалась все больше и больше неопределенностью в Омске, медлительностью формирования правительственного аппарата. Раздавались оттуда уже открыто голоса о необходимости установления единоличной военной власти, при которой эсеры не могли бы снова делать свои кровавые опыты над армией и страной.

«Дайте нам работать, не мешайте нас в политику», – было общее желание офицерства.

Полковник Д. А. Лебедев объехал фронт, побывал у генералов Дитерихса, Ханжина, Голицына и Гайды; все ему говорили о необходимости скорейшей замены директории единоличной военной властью. Но кем? Будь здесь генералы Алексеев или Деникин, тогда все сходилось бы на них...

В Омске образовался политический центр, в который вошли все общественные и политические деятели от народных социалистов и правее. Этот политический центр пришел также к выводу, что директория не способна сдвинуть воз и довести его до места, что необходимо ее заменить единоличной военной властью.

Действительно, бедная директория была подобна классической курице, высидевшей утят и бегавшей беспомощно по берегу, когда ее птенцы плавали, ныряли и плескались на водном просторе. Роды кабинета министров происходили очень мучительно. Наконец стал помогать, засучив рукава, и генерал Нокс, – подействовала его угроза, что работа по снабжению не будет начата, пока не установится власть.

Долго камнем преткновения был самозванный министр полиции Роговский со своим синем белым отрядом. Председатель директории Авксентьев выкручивался вовсю; говорил, что он обязан был пойти на это назначение в Уфе, иначе бы соглашение не состоялось, чехи ушли бы с фронта.

– Да они и так уходят! А потом все равно они с сентября уже не воюют и всю местность от Волги до Уральских гор отдали большевикам, – отвечали ему.

Тогда Авксентьев попросту умолял согласиться на Роговского, обещая недели через две его прогнать и заменить другим, приемлемым лицом. Долго спорили из-за этого пункта. Нако-

нец пришли к соглашению, Роговского не назначать; на этих условиях кабинет сформировался, и А. В. Колчак вошел в него как военный и морской министр.

На радостях директория устроила пышный банкет, достали даже вина. Говорилось много речей на всех языках, раздавались призывы к дружной, энергичной работе, трещали фразы о демократиях всего мира; директора и общественность на карачках ползали перед высокими иностранцами.

Социалисты-революционеры к этому времени основали свои штаб-квартиры в Уфе и Екатеринбурге. В первом городе они пробовали мутить среди нашей русской армии, устраивая митинги и формируя русско-чешские батальоны «защиты Учредительного собрания», а в Екатеринбурге они близко объединились с родственным им по составу Чешским национальным комитетом и действовали здесь вовсю, разлагая чехословацкие полки.

Все эсеры сгруппировались теперь около Виктора Чернова, их вождя и одного из самых вредных деятелей, который шел всю революцию вперегонки с Керенским; обладая безграничным личным честолюбием, Чернов не останавливался ни перед чем, чтобы перещеголять своего конкурента и товарища по партии.

И вот в середине октября, как раз ко времени этого банкета, был выпущен в Уфе «манифест» партии социалистов-революционеров ко всему населению России, подписанный В. Черновым и его ближайшими сотрудниками; в этой листовке повторялось в сотый раз, что «завоевания революции в опасности», что «новое правительство и армия стали на путь контрреволюции»; а потому все население призывалось к оружию и к повсеместной партизанской войне против правительства и его армии.

Неслыханная и небывалая подлость! Ведь это самое правительство-директория была избрана и составлена самими эсерами; они подписали на Уфимском совещании обязательство всячески ее поддерживать. Кроме того, председателем директории был их же человек, член их партии Авксентьев, и два члена директории, Аргунов и Зензинов, были тоже партийные эсеры. Выходило, что или и они трое повинны в этом предательском воззвании, как члены партии, или предательство направлено и против них. Эта прокламация-манифест широко распространилась и попала в армию. Волнение поднялось страшное. Требовали суда над преступниками.

Посыпались обращения к новым министрам, к Авксентьеву, к генералу Болдыреву; те возмущались и говорили, что примут меры. Но ничего не делалось, а Авксентьев на поставленный прямо вопрос не мог дать никаких объяснений; так и осталось невыясненным, участвовал ли он в этом воззвании, которое было на руку только большевикам. Впрочем, о выходе своем из партии Авксентьев, Зензинов и Аргунов не заявляли, да и сейчас состоят в ней.

Кабинет министров присоединился к мнению армии и Политического центра о необходимости и своевременности замены директории единоличной военной властью и обратился к генералу Болдыреву, как Верховному главнокомандующему, с предложением взять полноту всей власти на себя. Болдырев соглашался с мотивами и жизненной необходимостью такой замены, но отказался ее осуществить, ссылаясь на несвоевременность.

А волнения в армии все разрастались, увеличивалась и неуверенность в завтрашнем дне, в способности директории быть действительной, твердой властью.

В конце октября мне пришлось объехать большинство частей нашего фронта. Я ездил вместе с генералом Ноксом, будучи командирован ставкой Верховного главнокомандующего.

Чехи всюду были выведены с фронта в ближайший тыл. Русские молодые части стояли в передовой линии, одновременно ведя бои и формируясь. Работа, которую несли русские офицеры, была выше сил человеческих. Без правильного снабжения, не имея достаточных денежных средств, при отсутствии оборудованных казарм, обмундирования и обуви приходилось собирать людей, образовывать новые полки, учить, тренировать, подготавливать их к боевой работе и нести в то же время караульную службу в гарнизонах. Надо еще прибавить, что все это происходило в местности и среди населения, только что пережившего бурную революцию

и еще не перебродившего; работа шла под непрекращающиеся вопли социалистической пропаганды вроде приведенного выше воззвания Чернова.

Под влиянием такой пропаганды в сентябре и октябре было сделано несколько попыток восстаний среди воинских частей тыловых гарнизонов. Офицерам приходилось жить почти безвыходно в казармах, чтобы предохранить людей от провокаторов и пропаганды. Не надо забывать, что вся Россия представляла тогда бурлящий котел, не было ничего установившегося, настроения масс не определились и легко поддавались самым неожиданным колебаниям. Жизнь тысяч этих скромных безвестных русских работников, строевых офицеров, была в постоянной опасности.

В Челябинске видел смотр и парад 41-го Уральского горных стрелков полка. После месяца работы полк представился как настоящая воинская часть; видна была спайка офицеров и солдат, хорошее знание строевого учения, умение нести боевую службу в поле. Но внешний вид был очень жалкий: более чем у половины людей отсутствие шинелей и сапоги – одна сплошная заплата. Командир полка, молодец-полковник Круглевский, настоящий заботливый командир, делал все, что мог, добывая снабжение и у интендантства, и у состоятельной части населения.

– Приходится, – говорил он, – прямо выпрашивать. Ведь у меня половина людей осталась в казармах, не в чем выйти. На несколько человек одна пара сапог, по очереди ходят на учение, в столовую и на двор.

В Челябинске же встретился с М. К. Дитерихсом, впервые с осени 1917 года, когда он вернулся в Ставку после неудачного похода на Петроград генерала Крымова. Работая вместе с Дитерихсом и под его начальством с 1915 года, я хорошо знал его раньше; и теперь прямо не узнал: генерал постарел, исхудал, осунулся, не было в глазах прежней чистой твердости и уверенности, а ко всему он был одет в неуклюжую и невоенную чешскую форму, без погон, с одним ремнем через плечо и со щитком на левом рукаве. Он состоял начальником штаба у командующего чешскими войсками генерала Яна Сырового.

– Много пережить пришлось тяжелого, – сказал мне М. К. Дитерихс, – развал армии, работа с Керенским, убийство Духонина почти на моих глазах. Пришлось скрываться от большевиков. Потом работа с чехами...

Мрачно и почти безнадежно смотрел генерал Дитерихс на предстоящую зиму.

– Надо уходить за Иртыш, – было его мнение, – вы не можете одновременно формироваться и бить большевиков, да и снабжения нет, а англичане когда-то еще дадут. Чехи... – он махнул рукой, – чехи воевать не будут, развалили их совсем.

На следующий день я был на похоронах доблестного солдата, чешского полковника Швеца. Он воевал на Германском фронте, затем поднял восстание против большевиков и сражался неутомимо с ними. Полк его обожал. Но развал шел среди всех чехов, и, когда коснулся полка Швеца, тот пробовал бороться, сдерживать массу, один из всех продолжал со своим полком вести боевые действия на фронте. Но вот полк отказался выполнить боевую задачу, решительно потребовал увода в тыл и образования комитета. Полковник Швец собрал солдат, говорил с ними, грозил, что он обращается к ним в последний раз, требуя полного подчинения и выполнения боевого приказа. Полк не подчинился.

Тогда полковник Швец вернулся в свой вагон и застрелился. На похоронах его в Челябинске собралась многотысячная толпа и было немало искренних слез. На могиле этого героя политиканы, русские и чехи, говорили звонкие речи и лили крокодиловы слезы... Может быть, они и не сознавали тогда, что истинными убийцами этого честного солдата были они, виновники развала.

Генерал М. К. Дитерихс

Много пришлось видеть разных людей и картин чехословацкого воинства в Сибири, но, чтобы не отвлекаться, оставляю это для отдельной главы.

Из Челябинска я проехал вместе с генералом Ноксом в Екатеринбург, в город, который стал для русского народа местом величайшей святыни и небывалого позора. Еще сидя в большевистском застенке, летом 1918 года мы прочитали в местных «Известиях» официальное сообщение Московского совдепа об убийстве государя; там же была заметка, в которой комис-

сары лживо и лицемерно заявляли, что царская семья перевезена ими из Екатеринбурга в другое, безопасное место.

Больно ударила по душе эта ужасная, злая весть всех русских офицеров и простых казаков, – более ста человек было нас заключено в городской тюрьме Астрахани. Как будто отняли последнюю надежду и вместе с тем надругались над самым близким и дорогим, надругались низко, по-хамски, как гады. Даже красноармейцы, державшие в тюрьме караул, и астраханские комиссары казались в те дни сконфуженными, – ни один из них ни словом, ни намеком не обмолвился о злодеянии; точно и они чувствовали себя придавленными совершившимся ужасом и позором...

Генерал Нокс имел неофициальное поручение от своего короля донести возможно подробнее о Екатеринбургской трагедии.

Со стесненным сердцем входили не только мы, русские, но и бывшие с нами английские офицеры в Ипатьевский дом, в котором царская семья томила два последних месяца заключения и где преступная рука посягнула на их священную жизнь.

Нас сопровождал и давал подробные объяснения чиновник судебного ведомства Сергеев, который и вел в то время следствие по делу цареубийства. Из его слов тогда уже вставала картина жуткой кровавой ночи с 16 на 17 июля.

Когда белые впервые заняли Екатеринбург, все цареубийцы и их главные сообщники бежали заблаговременно; кое-кого из мелкоты – нескольких красноармейцев внешней охраны, родственников убийц и даже сестру чудовища Янкеля Юровского – удалось захватить и привлечь к следствию с первых же дней; с самого начала все дело было взято в свои руки группой строевых офицеров и ими-то были получены первые нити, по которым установлено почти полностью преступление.

Весною 1919 года во главе следствия были поставлены генерал Дитерихс и следователь по особо важным делам Н. А. Соколов, которые с помощью специальной экспедиции тщательно обследовали всю местность вокруг города по радиусу в несколько десятков верст. Обшарили почти все шахты, собирали каждый признак, шли по самому малейшему намеку, чтобы рассеять мрак, нависший над концом царской семьи. Мне пришлось быть еще два раза в Екатеринбурге и беседовать с обоими; вывод их был тот же, который сообщил нам осенью 1918 года Сергеев: в ночь на 17 июля нового стиля государь император Николай Александрович и его семья были зверски умерщвлены в подвале Ипатьевского дома.

Кроме Сергеева, тогда же довелось подробно говорить с доктором Деревенько, лечившим наследника, с протоиереем Строевым, который был большевиками дважды допущен в дом заключения служить обедню, и еще с рядом лиц, живших в Екатеринбурге.

Навсегда осталось в памяти то общее из их рассказов, что светит, как венцы мучеников из старорусских Четых миней; каждый штрих, всякая подробность говорили о том величавом смирении, с которым царственные узники переносили тяжелый крест страданий, всевозможные лишения и даже надругательства большевиков.

Все осмотры и ознакомления с материалами следствия за этот приезд в Екатеринбург легли в основу донесения об убийстве царской семьи, посланного тогда же генералом Ноксом в Лондон.

Дом екатеринбургского горнопромышленника Ипатьева – небольшой особняк на площади против собора – был окружен двумя стенами; вторую, сплошной деревянный забор, вышиною более сажени, большевики построили специально для того, чтобы еще более отделить высоких заключенных от внешнего мира.

Караулы неслись самые строгие, причем наружный, вокруг дощатого забора, был из красноармейцев, внутренний же состоял из чекистов-инородцев (иудеи и латыши) и нескольких человек русских, самых отъявленных мерзавцев, каторжан. При этом внутреннем карауле имелись два пулемета, стоявшие всегда наготове в окнах верхнего этажа, чтобы отразить возмож-

ное нападение. Комиссары жили все время под опасением, что русские люди освободят своего царя из их хищных кровавых рук.

Настроение народных масс Екатеринбурга хотя и было придавлено террором, но поднялось бы и смяло кучки святотатцев во главе с Янкелем Юровским, если бы только в народ проникли слухи о возможности того страшного конца, который эти вырождаки готовили царской семье. Оттого-то комиссары не доверяли красноармейцам внутреннего караула, по той же причине они постарались покрыть такой тайной свое злодеяние и затерять следы его. Лишь через несколько дней после 17 июля 1918 года пополз шепотом рассказ о том, что неслыханное совершилось. Но наряду с этим выросли тогда же легенды, будто царская семья вывезена из Екатеринбурга, что кто-то и где-то видел их проезжающими в направлении на Пермь.

Записываю отрывочные воспоминания того, что запечатлелось тогда в Екатеринбурге. Несомненно, появятся подробные отчеты следствия, вероятно также, что люди, жившие в этом городе лето 1918 года, дадут полную картину тех тяжелых недель и страшных дней. Здесь уместно отметить лишь, что с первых же часов занятия белыми Екатеринбурга были приложены все усилия, чтобы не только открыть правду, как бы ужасна она ни была, но и собрать все предметы-реликвии, сохранившиеся от царской семьи; все собранное было потом опечатано и при описях отправлено на английский крейсер «Кент».

За время правления директории все это делалось по частному почину русских людей, не встречая не только сочувствия, а иной раз так даже скрытое противодействие; но настроение офицерства, солдат и крестьянской массы было таково, что эти разрушители государства Российского не смели открыто препятствовать.

После того, как эсеровская директория была заменена единоличной властью адмирала А. В. Колчака, следствие пошло в порядке государственного дела. И только тогда чешский генерал Ганца принужден был спешно выехать из Ипатьевского дома, который он занимал для своего штаба.

Задача будущего поколения – открыть все полностью: и великий, единственный в мировой истории подвиг мученичества нашего государя и его семьи, и неслыханную мерзость их мучителей-убийц, и низость безвольного непротивления тех, кто мог в те дни противостоять убийцам. Все будет открыто. И недалек тот день, когда перед обновленной Россией развернется вся картина и встанут и засияют образы царственных великомучеников.

Но многое еще придется пережить до того и нашей стране, и нам, современникам.

В Екатеринбурге в то время, в октябре 1918 года, были два энергичных генерала: русский – В. В. Голицын, формировавший 7-ю дивизию горных стрелков Урала, и чех Гайда с очень молодым длинным лицом, похожим на маску, с почти бесцветными глазами с твердым выражением крупной, хищной воли и двумя глубокими, упрямыми складками по сторонам большого рта. Форма русского генерала, только без погон, снятых в угоду чешским политикам. Голос его тихий, размеренный, почти нежный, но с упрямыми нотками и с легким акцентом; короткие, отрывистые фразы с неправильными русскими оборотами.

Гайда проводил такую точку зрения:

– Русский народ совсем не может иметь теперь, немедленно, парламентаризма. Я в этом убедился, пройдя всю Россию и Сибирь в два конца. И от революций все устали, хотят только порядка. По моему мнению, России нужна только монархия и хорошая демократическая конституция. Но теперь нельзя. Надо скорее военную диктатуру. Я поддерживаю своими полками, если найдется русский генерал, который возьмет власть на себя.

Так говорил Гайда в октябре 1918 года в вагоне у генерала Нокса. Но и он был бессилён удержать свои части на фронте и поневоле требовал замены их дивизией генерала Голицына.

На наших глазах эта смена и происходила. Русские полки и батальоны, которые пришлось видеть на фронте, поражали своей малочисленностью, скудным снабжением, плохим обмундированием.

Непостижимо, как могли при тех условиях наши отряды и молодые полки не только держаться на фронте, но и вести наступление, очищать от большевиков огромные пространства Сибири и Урала. А это было так, сама действительность тому свидетельство. Горячая любовь к Родине, выносливость русского человека да всеобщая ненависть к большевикам делали это дело. А выносливость прямо единственная в мире! Легкие, ветром подбитые шинели, рваные сапоги, отсутствие белья. В передовой линии генерал Голицын представил Ноксу одного молодого капитана, как наиболее отличившегося и дважды раненного. И у него не было второй нижней рубахи на перемену. Никогда не забуду этой картины, как розовый, хорошо упитанный английский генерал, одетый щеголем, похлопал по плечу этого героя капитана, с худым, изможденным лицом и впалыми глазами:

– Ничего, ничего, мы вам дадим белья.

Как огнем, вспыхнуло краской лицо капитана, сверкнули гордо глаза.

– Покорно благодарю, мне ничего от вас не надо. Вот солдатам, если привезли, дайте.

Полураздетую армию одеть было необходимо.

– Наши интенданты – красные, – говорили генералы Голицын и Вержбицкий, – что от них заберем в боях, то и имеем; с тыла ничего еще не получали.

Дух и внутренняя спайка среди этих частей были замечательные. Офицеры и солдаты жили в общих землянках, зачастую обер-офицеры стояли в строю и в бою, как рядовые. Тяжелая боевая служба среди начавшейся уже зимы неслась в высшей степени добросовестно, без отказа. Жила среди всех нас большая вера в справедливость своего дела. Между всеми было полное доверие; никаких недомолвок, недоговоренностей. Та отчужденность и подозрительность к своему офицеру, которую старательно привили и раздули наши политиканствующие социалисты в 1917 году, исчезли совершенно и заменились нормальными отношениями, чувством взаимной дружбы, что ведь так естественно между сынами одного народа, между офицером и солдатом одной армии.

Маленький, весь сплошной нерв, генерал Вержбицкий, стоявший со штабом у самых передовых частей наиболее опасного направления, так говорил генералу Ноксу на вопрос его о снабжении и о нуждах:

– А вот, ваше превосходительство, посмотрите сами. Одеты в лапти и зипуны. Винтовки? Есть и винтовки, – у красных отняли. Патроны? патронов мало. Ну, ничего, добудем, добудем, ваше превосходительство... Обещаете дать? Что ж, спасибо, большое спасибо. Не откажусь. – Он побарабанил нервно маленькой крепкой рукой по столу и после молчания продолжил: – Это все герои, ваше превосходительство, они прошли от самого Иркутска, очистили Сибирь и Урал. И дальше пойдем. Надо весь Урал очистить.

И он здесь же, на карте, развил основу стратегического плана; ясно и просто показал положение красных и их затруднения из-за малого количества путей в горах Урала, оценил направления, силы...

Все генералы и офицеры жаловались на неустройство тыла, что политические распри там отзываются тяжело на боевой армии, что необходимо как можно скорее установить такую власть, которая могла бы наладить порядок в тылу; все они представляли себе и верили, что это по плечу только единоличной военной власти.

По возвращении в Омск я получил назначение во Владивосток, чтобы там, на Русском острове, собрать 500 офицеров и 1000 солдат и подготовить из них кадр для будущего корпуса, причем генерал Нокс обещал всевозможную помощь этому делу.

В Омске волнения и политический муравейник продолжали кипеть все больше. Черновское воззвание оставалось без всякого ответа. Вследствие этого были даже сделаны попытки отдельных офицеров и воинских частей арестовать его сообщников, но благодаря чехам и попустительству директории Чернов спасся и ускользнул с другими эсерами прямо в Советскую Россию, к большевикам.

Политический центр на своих заседаниях, даже мало и скрываясь, пришел к решению, что необходим переворот и вручение всей власти одному лицу – адмиралу Колчаку.

Вместе с генералом Степановым и Ноксом 2 ноября я выехал во Владивосток.

4

При проезде по железной дороге – а ехали мы с остановками в некоторых городах – создавалось такое впечатление, будто едешь не по одной стране, а попадаешь из одного удельного княжества в другое. Центральной власти, какого-либо объединения и единого управления на общее государственное благо, на общее дело не было. Местная власть действовала всюду на свой образец, преследуя только те задачи, которые ей казались нужными и важными.

Это отражалось на всем. Всего хуже было то, что даже те запасы, которые имелись в обширной Сибири, не могли распределяться правильно между ее частями; каждый думал только о своем районе, как бы обеспечить его нужды. То же явление наблюдалось и в отношении армии.

Русь! Однажды тебя погубило такое раздробление на уделы, свернуло с твоего исторического пути и ввергло на несколько столетий в темное татарское иго. Много страданий пережила тогда родная страна и гибель нашей чисто русской, славянской культуры. Только живой инстинкт народа, соединив его вокруг московского великого князя, спас Россию, воскресил страну; она окрепла и веками сумела образовать великое государство Российское. Не для того же, чтобы снова распасться на отдельные уделы и ввергнуться в гибельное состояние расчленения, подпасть под иноземную власть, новое иго, горше татарского.

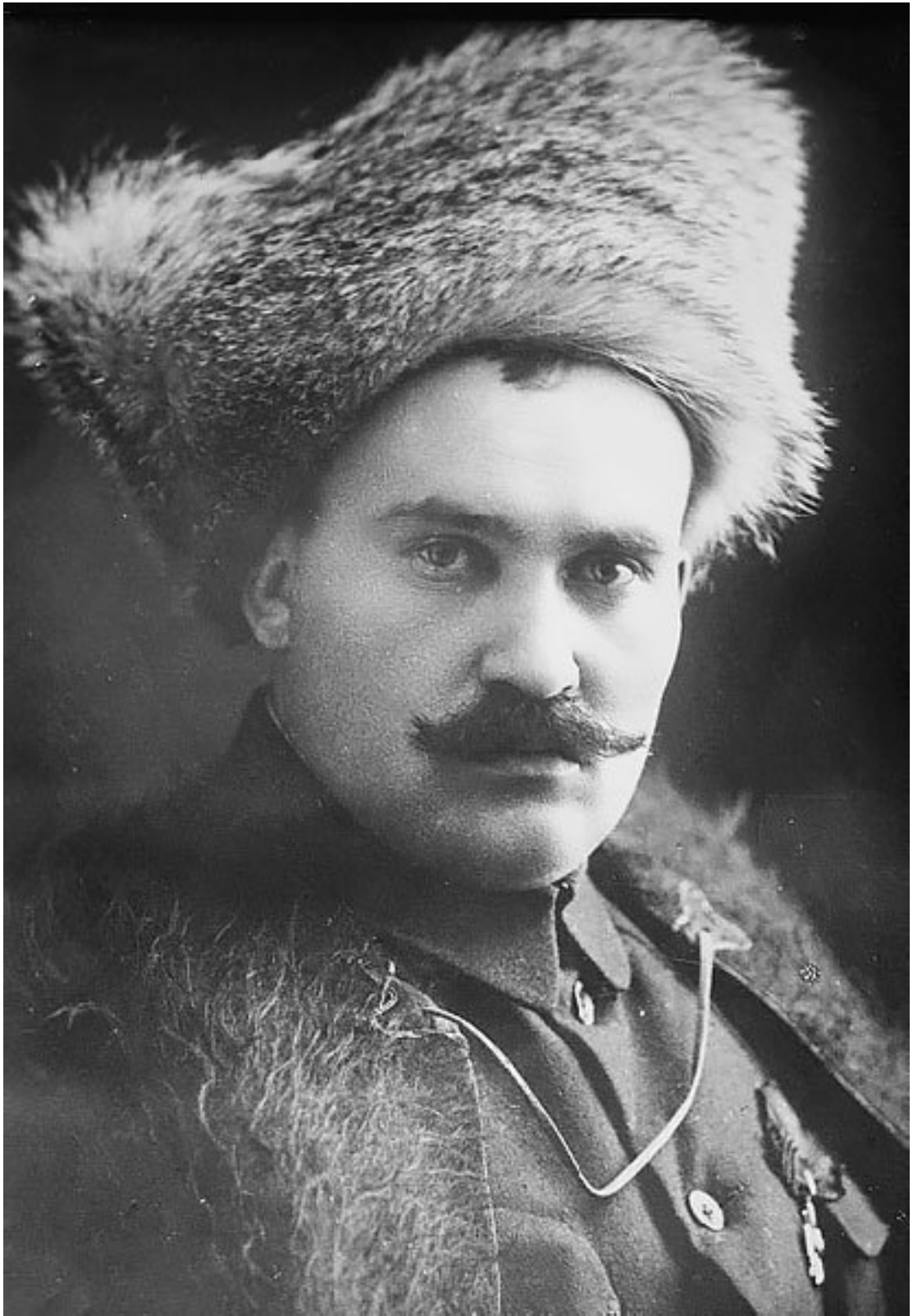
В Иркутске был губернатором (или, как тогда еще называли, губернским комиссаром) Яковлев, партийный эсер, ведший очень ловко свои дела, но личность очень темная, по отзывам местных людей. Меня посетил старый боевой друг, полковник Лабунцов, раненный в одном бою со мною, под Люблином, и брат по Георгиевскому кресту. Он развернул ужасную картину того, что творилось во всей округе; Яковлев положительно развращал народ и молодые войска, всячески затрудняя их работу; он не отводил казарм и квартир, умышленно тормозил дело снабжения. Население здесь волновалось, местами вспыхивали восстания, которые раздувались всячески исподтишка губернской властью.

В то же время про Читу и управление атамана Семенова шли самые лучшие рассказы из разных источников; то, что мы увидали, въехав в Забайкалье, подтверждало эти рассказы. На станциях порядок, правильное движение поездов, удовлетворение нужд всех слоев населения. Город Читу проехали ночью, не останавливаясь.

Были уже и тогда люди, которые, наоборот, с пеной у рта доказывали, что в Чите творились безобразия; эти люди постоянно связывали имя атамана Семенова с японцами. Среднего мнения не было, – или полная похвала, или неистовая брань и подтасовка фактов; с самого начала здесь плелась интрига и провокация. Мне лично пришлось познакомиться и узнать близко атамана Семенова только в феврале 1920 года, уже тогда, когда я с армией пробился через всю Сибирь в Забайкалье. Об этом я буду подробно писать в одной из последующих глав.

А здесь сделаю некоторое отступление, чтобы была яснее связь некоторых дальнейших событий. Еще когда я был в большевицкой тюрьме в Астрахани, все мы, читая коммунистические газеты, встречали чаще всех имена Корнилова, Дутова и есаула Семенова. Невыразимая злоба и самая отборная ругань сопровождала каждое упоминание их на столбцах совдепской прессы. Для нас же, заключенных и обреченных на смерть русских офицеров, эти имена были отдаленными родными огнями, которые освещали мрак большевистского ужаса, окутавший всю Россию. Они поддерживали в нас надежду на возрождение Родины. Атаман Семенов начал есаулом, по своему почину, за свой риск и страх, борьбу против разрушителей-большевиков, и вел он эту борьбу неослабно, не выпуская из рук оружия. Он оказывал поддержку всем

остальным антибольшевицким борцам, шел с ними на соединение. Но, понятно, передавать дело эсерам или другим бессильным людям для нового опыта и провала атаман Семенов не хотел и не мог. Поэтому он хотя и признал номинально директорию, но твердо держал власть в своих руках.

Атаман Г. М. Семенов

В Харбине и полосе отчуждения Восточно-Китайской железной дороги управлял генерал Хорват, старый и опытный администратор, знавший отлично местные условия и весь край, пользовавшийся большим авторитетом даже среди китайцев. Он признал директорию, но, понятно, продолжал вполне самостоятельно управлять Дальним Востоком.

Грустно было видеть русское положение в Харбине мне, бывшему здесь в последний раз в 1905 году, перед заключением Портсмутского мира. Город шумел теперь праздной, хорошо одетой и сытой толпой; сюда стеклась, кроме невольных беженцев от большевиков, масса спекулянтов и укрывавшихся от воинской повинности; преобладали горбатые носы и говор с бердичевским акцентом. Китайцы, прежние «ходи», смотрели и держали себя вызывающе, выказывая как бы свое превосходство над нами в нашем несчастье.

Владивосток – жемчужина России. Как говорил генерал Нокс, это самый красивый и живописный город в мире по своему расположению, только неблагоустроенный и грязный.

– Если бы он попал в хорошие руки... – добавил он.

Упаси господи! Будут и русские руки хорошими, будут еще, может быть, самыми лучшими; для Владивостока и для всей Русской земли, во всяком случае.

Владивосток представлял собой какой-то хаос, еще не установившийся после свержения там большевиков; беспорядок и неустройство здесь были самые большие из всех мест. Какая-либо русская власть, которая могла бы наладить жизнь и урегулировать отношения, отсутствовала. Был губернатор Циммерман, был комендант крепости полковник Бутенко, но оба оказывались бессильными и тратили все время и силы на то, чтобы лавировать между самыми разнообразными и противными друг другу элементами, что нахлынули сюда.

Дело было так. Большевиков выгнали из Владивостока чехи под командой генерала Дитерихса при помощи и поддержке японских частей; на помощь к чехам направлялся и отряд русских офицеров, но чехи их не приняли и даже требовали разоружения. Тотчас же вслед за свержением советской власти во Владивостоке образовалось с одной стороны правительство эсеров, еврея Цербера и земское, а с другой стороны междусоюзнический совет из неполномочных и случайных иностранных офицеров, оказавшихся в Владивостоке; миссии тогда еще не прибывали. Когда русский отряд полковника Бурлина все же пришел во Владивосток, приехал также сюда генерал Хорват, чтобы объединить власть во всем крае Дальнего Востока, то этот случайный «союзнический» совет по настоянию эсеров потребовал разоружения отряда Бурлина. На Русской земле разоружали русскую воинскую часть, состоявшую почти сплошь из офицеров! И этот позорный акт совершился. И совершили его именем союзников России, опираясь на их авторитет и силу. Когда через несколько недель начали прибывать настоящие представители союзников, то дело решили поправить и оружие вернули.

Самозванное правительство Цербера, не опиравшееся ни на один слой населения, пало само собою, безболезненно. Во главе управления Дальним Востоком стал генерал Хорват, который и переехал из Харбина во Владивосток. Сюда же был назначен Ставкой генерал Ю. Д. Романовский, как представитель центральной власти при иностранных союзнических миссиях. Здесь же находился в это время и генерал Иванов-Ринов, который по сформировании в Омске нового кабинета перестал быть военным министром, оставаясь номинально командующим Сибирской армией.

Во Владивосток прибывали да прибывали союзники. Здесь были воинские части японцев, высадились английские Мидлсекский, а затем и Хэмпширский батальоны, канадские войска и американцы. Был образован международный совет, причем главное командование союзными войсками и председательствование на этом совете было номинально вручено, как старейшему, японскому генералу Отаки. Фактически же распоряжался каждый по-своему, мало считаясь не только с русскими людьми, но и с русскими интересами.

Больные и обидные воспоминания! Как раз в пути между Читой и Маньчжурией было получено известие о заключении перемирия на Французском фронте между союзниками и центральными империями, о революции в Германии, о бегстве кайзера и т. д.

Долгожданная победа была достигнута; четыре года страданий и великих жертв принесли свои плоды. И русская кровь, пролитая так обильно на полях всего света, служила вместе с другими тем фундаментом, на котором теперь должны были утвердиться мир, право и справедливость. Ведь из-за них воевало человечество?..

Английские офицеры шумно радовались победе. Они выражали с чисто офицерской искренностью мнение, что без России и ее жертв никогда бы им не получить этой победы. Да, верно, истина. Но из-за этих-то великих жертв и из-за медлительности, из-за затяжки войны, из-за того, что от России потребовали слишком большого напряжения, наша страна не выдержала и впала в такое несчастье, в степень губительного разорения. А понятно, если бы Россия не вступила в войну или, вступив, не жертвовала так беззаветно, то Антанте никогда не выиграть бы войны.

Как теперь отнесутся к нам бывшие союзники? Во что теперь выльется их призыв к русскому народу? Вот вопросы, которые вставали перед нами. Понятно, все, что обещалось, будет выполнено; несомненно, останутся прежние отношения к вам как к нашим близким союзникам, – так отвечали англичане.

Но то, что пришлось видеть с первых шагов во Владивостоке, било не по самолюбию даже, а по самой примитивной чести. Каждый иностранец чувствовал себя господином, баринном, третируя русских, проявляя страшное высокомерие. Было впечатление, что теперь, когда долгая война окончилась, им совсем не до нас; что они делают величайшее одолжение, приехав сюда, оставаясь здесь.

Надо отдать справедливость, что лучше всех относились японцы; их офицеры и солдаты проявляли самую большую, почти полную корректность; чувствовалось даже искреннее, чуткое и дружеское понимание нашего несчастья и временного характера его. Хуже всех было отношение домашних, так сказать, интервентов, войск сформированных из наших бывших военнопленных.

Лучшие здания в городе, все вагоны, места в поездах отдавались иностранцам; наши соотечественники как бы согнули спину и тащили на себе их, ожидая спасения. Ведь им была обещана помощь, призывали к совместной войне с немцами и большевиками. Немцы выбыли из строя врагов, в Версале собралась мирная конференция, но другой-то враг, большевики, остались. И русские люди ждали от интервентов помощи, верили в нее.

В первой половине ноября прибыл во Владивосток со своим штабом французский генерал Жанен. Ступил он на Русскую землю, приветствуемый как избавитель, как заранее признанный герой. На приветственные речи Жанен отвечал определенно и довольно ясно, обещая поддержку, самую активную, выражая веру в успех общего дела. Сюда же прибыл французский батальон, что-то около взвода их колониальных цветных войск, да одна батарея. И вслед за английскими батальонами французы двинулись по железной дороге на запад, к нашим боевым линиям.

Когда генерал Нокс объезжал фронт, его повсюду встречали не только дружелюбно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у самих. На его слова о помощи заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат, – необходимо было показать нашим солдатам и офицерам, что давние обещания союзников о помощи не одни слова. Атаман Дутов в тяжелые дни Оренбурга прислал телеграмму ему в Омск: дайте мне одну роту французских или английских войск, и я отстою Оренбург, а то казаки уже не верят словам о помощи союзников.

В ответ мы слышали, что помощь будет, но не сейчас, что надобно подождать, не все еще готово; войска еще в пути. Мы ждали и верили.

5

В это время в Омске разыгрывались центральные события, имевшие важное значение для всего дальнейшего хода борьбы. Адмирал Колчак, как военный министр, объехал фронт, посетил войсковых начальников и убедился, что организация армии и ее снабжение поставлены в условия совершенно неудовлетворительные; не было ни общего плана, ни согласованной работы, не было надежды при существующем порядке наладить интендантство. Кроме этого А. В. Колчак получил уже лично теперь заверения от войсковых начальников, что дальше так идти не должно, что армия может сама сделать переворот, а это было бы гибельным для фронта; что в директорию совершенно никто не верит, ждут замены ее единой властью и хотели бы видеть ее в лице адмирала.

Вслед за тем выехал на фронт Верховный главнокомандующий, член директории генерал Болдырев; и они разминутись, – генерал Болдырев ехал в Уфу, а адмирал Колчак возвращался из Екатеринбурга в Омск.

А в новой столице в то же время шли совещания кабинета министров, на которых решалось, как следует произвести смену директории; о том, что ее надо сменить, вопрос был уже решен, так как выяснилась не только совершенная бесполезность и бессилие этой власти, но и ее чрезмерный склон на сторону социалистов-революционеров, то есть той партии, которая ей же объявила войну и призвала к ней население. Ясно было, что при оставлении у власти директории произойдет взрыв; вспыхнут восстания, которые не только погубят начатое успешно Сибирским правительством дело, но ввергнут страну в состояние анархии и еще худшего большевицкого разгула, чем было до лета 1918 года.

Адмирал А. В. Колчак

Совет министров пришел к решению передать всю полноту власти адмиралу Колчаку, как верховному правителю и Верховному главнокомандующему. Это было вечером 17 ноября, а в ночь на 18 ноября полковники Сибирского казачьего войска Волков и Катанаев со своими казаками окружили квартиры председателя и членов директории и арестовали их. Так что, когда Совет министров пришел к адмиралу Колчаку объявить о своем решении и просить взять на себя тяжкое бремя высшей власти, директории фактически не существовало; она вся была арестована, а генерал Болдырев находился в Уфе.

Мне известно совершенно достоверно, что адмирал А. В. Колчак не только сам не добивался власти, но и уклонялся от нее. Личность верховного правителя вырисовывается исключительно светлой, рыцарски-чистой и прямой; это был крупный русский патриот, человек большого ума и образования, ученый-путешественник и выдающийся моряк-флотоводец. Александр Васильевич Колчак как человек отличался большой добротой, мягким и даже чувствительным сердцем; его волевой характер, надломленный революцией, был очень вспыльчив. Настроения быстро менялись под давлением незначительных событий и первых известий, амплитуда колебаний от полной надежды до упадка ее проходила легко и быстро. В дни подъема настроения влияние его на людей было почти неограниченно; прямой глубоко проникающий взгляд горящих глаз умел подчинить себе волю других, как бы гипнотизируя их силою многогранной души. Адмирал принял на себя тяжесть власти, как подвиг, руководимый чувством самопожертвования во имя чести и спасения Родины; и все дальнейшее его служение до конца было проникнуто сильной любовью к России и высокоразвитым сознанием долга.

18 ноября 1918 года адмирал Колчак был поставлен перед совершившимся фактом. Он подчинился ему и принял на себя всю полноту верховной власти.

Генерал В. Г. Болдырев

Последовал чисто комический конец директории. Арестованные Авксентьев, Зензинов, Аргунов и Роговский провели тревожную, полную беспокойства ночь. Когда их наутро посетили прокурор и следователь, чтобы начать дело против офицеров, арестовавших их, то бывшие директора предстали бледные и дрожащие, прося спасти их жизнь. Им было заявлено, что им нечего бояться, что офицерам, произведшим арест, грозит военно-полевой, суд. На вопрос прокурора, что хотели бы директора, они заявили:

– Отправьте нас поскорее в безопасное место.

А пока не отправят, просили держать их под арестом и под стражей, так как «иначе их может убить толпа». Вот как верили эти правители в народ, во главе которого имели наглость встать.

Всем им выдали деньги в иностранной валюте для поездки за границу и на жизнь там и отправили. Генерал Болдырев проехал прямо во Владивосток, а оттуда в Японию; остальные не рискнули ехать через Сибирь, а пробрались каким-то кружным путем через Китай. Все они дали честное слово жить за границей тихо и в политическую жизнь России не вмешиваться. Но это слово оказалось «ключком бумаги».

Почти с первого дня появления за границей все они начали свою деятельность, мутя еще больше ту международную тину, что с первых дней революции создалась около имени Россия.

Полковники Волков и Катанаев были преданы военно-полевому суду, который вынес им оправдательный приговор, приняв во внимание то, что настоящими государственными преступниками были директора – так как выяснилась их связь с большевицкими организациями – и что офицеры действовали исключительно в интересах страны и народа. Около здания суда весь день стояла густая толпа, приветствовавшая оправданных офицеров радостными криками и устроившая им овацию.

Верховный правитель в первый же день вступления на свой пост издал указ к войскам и населению, разъяснявший обстоятельства и самый порядок вручения ему власти. Были посланы извещения о том же всем союзным представителям. Затем последовал короткий и точный приказ, запрещающий какую-либо пропаганду среди войск и населения, призывавший всех к работе, самой горячей и дружной, для возрождения Родины; с первого же дня почувствовалась другая рука, честная и прямая, тогда казалось и твердая, которая поведет армию именно на спасение русского народа и его прав, а не для пресловутых и ложных завоеваний революции.

Затем была опубликована декларация, основ которой покойный А. В. Колчак держался до самого конца; сущность была в том, что он берет на себя всю полноту власти, чтобы сбросить большевицкую тиранию, восстановить право народа и его свободу, дать порядок и возможность каждому заниматься его трудом. После этого им было обещано передать в Москве всю власть вновь избранному народом Национальному Учредительному собранию.

Как раз на другой день после переворота я приехал в первый раз с Русского острова во Владивосток, утром зашел в штаб крепости и там узнал об этих событиях из полученного по телеграфу указа. Наверху, над штабом помещалась британская военная миссия. Я заглянул к генералу Ноксу, который встретил меня очень взволнованный и сказал, что теперь будет плохо, что союзники могут даже прекратить помощь.

Пришлось долго доказывать и убеждать в естественной последовательности этих событий, в их неизбежности, что об этом, в сущности, было известно в Омске еще до нашего отъезда, напомнить ему поездку на фронт, все встречи там, даже слова чешского генерала Гайды; объяснить, что директория фактически не могла остаться, так как тогда развалилась бы армия.

Генерал Нокс обещал поддержку и сейчас же поехал к Жанену. Что они говорили и какое было сначала отношение союзников к совершившемуся перевороту, мне неизвестно. Но, без сомнения, не такое трагическое, как представлялось с первого раза главе британской военной миссии. Даже чехи, по спинам которых взгромоздилась на высокое место директория, даже и они только частично поволновались, но и пальцем не двинули.

Через несколько дней после ареста директории была сделана из Куломзино, рабочего предместья Омска, попытка произвести восстание, организованное и подготовленное эсерами. Бунтовщикам удалось было захватить тюрьму, выпустили оттуда преступников, надеясь с их помощью развить действия; но с этим легко и быстро справились, восстание ликвидировали. Характерно и показательно, что английский батальон, стоявший в Омске, пришел в эту ночь, чтобы охранять адмирала Колчака, к его дому.

Черновское наследие в Уфе и оставшиеся там еще кое-кто из членов Учредительного собрания выпустили от себя манифест, снова призывая народ и армию к восстанию, пробовали опереться на чехов и поднять русские части, но эта попытка не удалась совершенно, хотя и доставила несколько неприятных дней. Пришлось посылать специальный отряд из Челябинска в Уфу, так как чешские начальники не позволяли арестовывать бунтовщиков. И большинство их ускользнуло за линию фронта на соединение с большевиками.

Едва ли найдется кто-либо сомневающийся в том, что руководило с самого начала и руководит действиями социалистических партий и их работников. Им важна не Россия и не русский народ, они рвались и рвутся только к власти, одни, более чисто убежденные, фанатики, — чтобы проводить в жизнь свои книжные теории, другие смотрят более практически, и им важна власть, чтобы быть наверху, иметь лучшее место на жизненном пиру. Борьбу между собою социалисты большевики и эсеры подняли исключительно из этих побуждающих мотивов, до России и народа им по-прежнему дела было меньше всего. И вот когда они увидели, что в этой борьбе власть попадает к самому народу, к наиболее активной, подготовленной и искренней его части, они кончили на время свои семейные счета, и эсеры пошли помогать большевикам.

Генерал Д. Л. Хорват и военные представители Антанты во Владивостоке в 1918 г.

Русская армия была не только на стороне новой власти, она долго ждала ее, желала и, так сказать, сама она вызвала эту власть к жизни. Страна всюду и сразу подчинилась ей.

Генерал Хорват, бывший во главе всего края Дальнего Востока, послал от себя телеграмму в день переворота, что он признает законность его: всецело подчиняется верховному правителю. Генерал Иванов-Ринов, как командующий Сибирской армией и атаман Сибирского казачьего войска, телеграфировал всем высшим войсковым начальникам и атаманам, что в дни напряжения народной воли и силы к освобождению Родины от предателей-большевиков необходима немедленная и полная поддержка верховного правителя в тяжелом деле, принятом им на себя.

Целый ряд общественных организаций, городских учреждений, многие сельские сходы присылали в Омск телеграммы с выражением своей радости в перемене и уверенности в успехе

дела, все предлагали верховному правителю свою готовность поддержать его в русском национальном деле; вскоре последовали многочисленные адреса и депутации от крестьян, рабочих, железнодорожников с выражением тех же чувств к новой власти.

Молча примирились с переворотом и союзные миссии, а через них и правительства Антанты. Признания своего они в эти дни не высказали, да не высказали его и до конца, в течение целого года. Факт с этим «признанием» – необъяснимая на первый взгляд и, во всяком случае, странная сторона отношения наших бывших союзников к русскому делу, а следовательно, и к русскому народу.

Оказывалась самая действительная материальная помощь, то есть присылались в нашу армию орудия, винтовки, боевые припасы, обмундирование, обувь и проч. Сибирь полна была иностранными представителями, и военными, и гражданскими; были здесь и иностранные войска, все же как-никак помогавшие нам, – они несли охрану железной дороги. Выходило, что союзники не только признают, но и помогают новому русскому правительству, как своему союзнику. А вот самое слово «признание» громко, прямо и открыто не произносилось. При этом надо заметить, что акт этого официального признания висел все время в воздухе, как призрак, то приближаясь, то удаляясь, то подходя снова почти вплотную. Он, как болотный блуждающий огонь, дразнил и манил к себе. Естественно, что чем дальше, тем больше разгоралось желание Омского правительства быть признанным; под конец это сделалось чуть ли не главным, руководящим стимулом его усилий и действий.

Много зла принесла такая двойственная неопределенная политика уже тем одним, что иностранцы использовали ее для своих целей, чуждых русскому национальному делу; не раз получались от союзных миссий такие заявления: «Сделайте то и то, так как наше правительство находит это необходимым для признания». Так было не раз с выпуском «либеральных, демократических» деклараций; хотя и не столь ясно, но такое же давление было при избрании неправильного операционного направления для главного удара на Пермь, Вятку, Котлас.

Но как бы то ни было, союзники фактически неофициально признавали новое правительство, помогали ему и желали удачи.

Русские армия и народ подчинились повсеместно, кроме Читы и стоявшего во главе ее атамана Семенова. Этот эпизод надо рассказать несколько подробнее, чтобы понять самое возникновение его, подкладку этого непризнания и неподчинения.

6

К тому, что сказано было об атамане Семенове, следует добавить, что между ним и адмиралом Колчаком были недоразумения еще в ту пору, когда адмирал был в Харбине, перед приездом в Омск, летом 1918 года. Эти недоразумения возникли из-за того, что адмирал потребовал тогда подчинения себе Маньчжурского отряда атамана Семенова, отряда, который был им сформирован совершенно самостоятельно, куда входили добровольцы, всецело преданные атаману и верившие в него. Последовал отказ, в ответ на что получилась угроза не давать в будущем отряду никаких снабжений. Затем на одной из станций, где одновременно оказались поезда адмирала и атамана, адъютант последнего напутал и не доложил ему; в результате вышла неловкость и обида в том, что атаман не явился к адмиралу.

Теперь после переворота 18 ноября 1918 года в Омске были получены сведения о том, что атаман Семенов не собирается признать адмирала Колчака как верховного правителя и главнокомандующего. Не знаю, какие были основания для такого заключения, но мне известно следующее: атаман Семенов не получил ключа к шифру между директорией, ее ставкой и Владивостоком. Когда произошел в Омске переворот, Чита не могла расшифровать телеграмм, видела в то же время, что между Владивостоком и Омском идет усиленный обмен ими. Наконец атаман Семенов получил короткую телеграмму без шифра, что директория смещена и власть едино-

лично перешла в руки адмирала Колчака. Атаман Семенов запросил тогда подробности переворота, а также кто именно вручил адмиралу власть. Но в то же время, как мне рассказывал позднее сам атаман Семенов, дожидаясь ответа, он приказал заготовить и подписал телеграмму о признании власти адмирала Колчака, как верховного правителя. Но в Омске поспешили и сделали очень большую оплошность; атаман Семенов, не имея ответа на свой запрос и не успев отправить своей телеграммы о признании, получил по телеграфу же знаменитый и так нашумевший приказ № 61. Этот приказ гласил, что атаман Семенов единственный отказался признать верховного правителя, не подчинился ему и поэтому отрешается от всех должностей, как «изменник Родине».

Пусть каждый поставит себя на место атамана Семенова и ответит себе, что он испытал бы при подобных обстоятельствах. Офицер, который с первых дней большевизма начал против него борьбу и создал большой отряд из ничего, затем очистил целую область от красноармейских банд, установил порядок, начал раньше всех других получать поддержку от союзников, — такой офицер объявляется изменником. И главное в тот час, когда он готов все, сделанное им, принести, как составную часть целого Русского, и подчинить только что появившейся власти.

После приказа № 61 атаман Семенов отменил телеграмму о признании и вместо нее послал другую, что он готов был подчиниться, но теперь этого не сделает, так как считает себя, своих помощников и свой отряд незаслуженно оскорбленными и опозоренными. Действительно, офицеры и казаки всех частей Забайкалья были сильно возмущены приказом № 61 и волновались.

Загорелся костер чисто русской вражды и деления на два лагеря. Большие русские патриоты, единомышленники по убеждениям и действиям, разошлись и заняли непримиримую позицию. А тут нашлось немало досужих людей, готовых подкидывать дрова в огонь. Полетели доносы о задержанных якобы Читой поездах с военным снаряжением и боевыми припасами для армии, о случаях самоуправства. Люди, которым было выгодно и раньше очернение атамана Семенова, работали вовсю. Клевета шла главным образом из вражеского стана, от большевистских агентов и их сторонников; действовали ловко и скрытно, так что казалось, будто обвинения идут из нейтральных, непартийных источников и из союзных кругов.

Сначала в Омске решили заставить атамана Семенова подчиниться силой, открыв против него военные действия. Был сформирован отряд под командой генерала Волкова. Не успел последний доехать до Иркутска и приступить к выполнению плана, как японцы заявили, что они не могут допустить столкновения в Забайкалье и если Волков начнет военные действия против Семенова, то японцы оставляют за собою свободу действий и, вероятно, выступят, чтобы помочь Чите.

Совершенно неожиданный результат конфликта. Само собой разумеется, что на разрыв с японцами, одними из союзников, и на враждебные действия с ними пойти не могли; Омск отставил приказ о наступлении на Читу. Японское вмешательство как бы предупредило новое братское кровопролитие. Но после этого японцы продолжали вмешиваться в конфликт, а досужие люди, кому это было на руку, стали говорить, что даже они его создали, раздувают и поддерживают.

Одно из несчастий нашего лихолетья, и именно на белой, антибольшевицкой стороне, заключалось в так называемых иностранных ориентациях. Были: японская ориентация, английская, американская, появилась привезенная с Юга России германская ориентация. Не приходилось мне встречать в Белом движении ориентации на французов; слишком уж много с этой стороны было печальных фактов, отвергнувших совершенно симпатии русских людей и масс. Достаточно назвать одесскую эпопею, когда русская армия и целый большой город оказались в безвыходном положении, попали совсем неожиданно, в два дня, во власть большевиков, вследствие странных, если не сказать хуже, действий французского штаба в Одессе. Затем политика французов в Малороссии со стремлением создать самостоятельность Украины, рассказы

о возмутительно скверных отношениях к русским беженцам и офицерам. Еще в Сибири это не так было заметно, а все русские, приезжавшие из Добровольческой армии и из Европы, не могли говорить о французах без пены у рта, – так переболело оскорбленное чувство.

Упоминая о каком-либо мало-мальски выдающемся русском человеке, начинали прямо с того, что «он такой-то ориентации». Редко приходилось встретить мнение, которому одному надлежало быть в эту пору, в годину народного испытания и святой борьбы за Русь. Только одна ориентация может быть у русских людей – чисто русская, ориентация на Россию – и должна быть у всех. Остальные отношения вытекают уже из нее; если иностранная нация желает искренне восстановления и возрождения России, – она наш друг; если она к тому же помогает нам в борьбе против большевиков, – она наш союзник. Так ясно и естественно.

Но на деле было иначе. Это коренная ошибка, происходящая от слишком мягкого и доверчивого русского характера да от старой привычки смотреть на Европу снизу вверх. Но и иностранные миссии старались немало над этим, чтобы наwerben побольше своих сторонников и ревниво смотря за их симпатиями.

После того как Омское правительство отказалось от плана подчинить Читу силой, начались переговоры. Атаман Семенов выставил одно условие: пусть будет отменен приказ № 61, и он всецело подчинится. Из Омска же шло требование сначала подчинение, а затем уже отмена приказа № 61. Оттуда были посланы в Забайкалье комиссии для выяснения, насколько справедливы обвинения в задержании атаманом поездов с военными грузами, и для проверки всей его деятельности. Комиссии долгое время сидели в Чите, были допущены к полному контролю и в результате выяснили, что все обвинения являлись выдумкой или клеветой.

Ездил в Читу генерал Иванов-Ринов, была телеграмма от атамана Дутова с просьбой кончить конфликт.

Но, к несчастью, долго еще тянулась эта история, отвлекая много внимания, людей и сил, тормозя невольно общую работу. Не раз делались верховному правителю представления от целого ряда лиц, от совещаний высших начальников о необходимости кончить дело примирением. Но переговоры затягивались и часто прерывались оттого, что японская миссия находила для себя возможным выступать и ставить условия; так ими указывалось, что необходимо при ликвидации конфликта сохранение за атаманом Семеновым всей власти в Забайкалье на правах командующего армией, они-де заинтересованы в этом, вследствие долгой и крупной помощи, оказанной ими за все время в этой области и материально, и военными действиями. Необходимо отметить, что части японской армии с ее традициями представляли лучшие и наиболее дисциплинированные среди иностранных войск в Сибири. И не раз они выполняли первое слово, сказанное в начале интервенции, об активной помощи. Кровь японских офицеров и солдат была пролита на полях Сибири вместе с русской армией; отношение японских войск к нашему населению было не только вполне лояльное, но отличалось предупредительностью и сочувствием. К несчастью, их дипломатия всех видов полна была такой же неясностью, запутанностью и перекрещивалась со скрытыми международными замыслами, которые и до сего времени подернуты дымкой двусмысленности.

Наконец в исходе зимы произошла отмена приказа № 61, конфликт был кончен и примирение состоялось. Но трещина осталась, и, как будет видно ниже, осталась она до самого конца.

7

Не все было благополучно и на остальном обширном пространстве Сибири. Партии социалистов-революционеров и меньшевиков ушли в подполье, спрятались, тщательно замаскировались, но не прекратили свою губительную работу. А где было можно, там они действовали и в открытую.

Таким обетованным местом для них являлся Владивосток, благодаря интернациональному характеру, приобретенному этим городом с 1918 года от массы наехавших туда интервентов. К декабрю 1918 года здесь были уже полностью все военные миссии, прибыли высокие иностранные комиссары, в Сибири сосредоточились войска японские, британские, американские, немного итальянских и чехи, а на рейде стояли военные суда всех наций. При этом чем дальше шли переговоры в Версале, тем неопределеннее и запутаннее было отношение здесь этой разношерстной массы. Как-то вышло, что войска бывших союзников, прибывшие в Сибирь, чтобы образовать общий с русскими фронт против немцев и большевиков, теперь на этот фронт не шли, – война с немцами была кончена, а «вмешиваться в наши внутренние дела» союзники не желали.

Вместе с тем во Владивостоке некоторыми из союзных представителей допускался прямой контроль именно над чисто внутренними распоряжениями русской власти, здесь как раз и было вмешательство в наши внутренние дела. Особенно отличались этим два лица одной из дружественных наций, генерал Грене и его начальник штаба полковник Робинсон. Так с их стороны последовал форменный протест, когда генерал Иванов-Ринов арестовал ряд вредных лиц, бывших в связи с большевиками² и ведших пропаганду среди населения, призывавших его открыто к восстанию против правительства. Господа Грене и Робинсон заявили, что они не могут допустить этого ареста и настаивают на освобождении, оставляя в противном случае за собою свободу действий. Затем с их стороны последовал новый протест, когда из Омска военный министр хотел сместить коменданта Владивостокской крепости полковника Бутенко, офицера в сущности неплохого, но впавшего слишком в сильную ориентацию на эту нацию и объединявшегося раньше с эсерами. Когда полковник Генерального штаба Чубаков, служивший в этой иностранной миссии и работавший одновременно в противоправительственных партиях, был вызван в Омск для отчета в своих действиях, то от генерала Гревса, представителя дружественной нации, последовал ряд телеграмм с отказом. В конце концов он потребовал гарантии личной безопасности Чубакова и непредания его суду. А после этого Чубаков перешел при первом удобном случае на сторону большевиков и в Красноярске вошел крупным лицом в Чрезвычайную следственную комиссию (большевистская Чека).

Можно было бы написать несколько томов, приводя все случаи подобного «невмешательства», – так их было много. Были даже документально установлены сношения с американской военной миссией некоторых шаек, восстававших с оружием в руках в районе Сучанских копей и бывших фактическими большевиками.

Много, может быть и невольного, зла причинили России эти представители интервенции, Грене и Робинсон, но немало зла причинено ими и своему отечеству; ибо по их действиям судили русский народ и общество о всей стране их. А в связи с другими агентами и мелкими представителями ее в Сибири, извращенно представлявшими здесь интересы своей страны, мнение о ней среди русских составилось крайне отрицательное.

Это отразилось и на местной прессе; газеты день ото дня все едче и остроумнее писали о действиях этих интервентов и об их хозяйничании на Дальнем Востоке. И вот в один день начальник миссии Грене приехал к генералу Иванову-Ринову, как помощнику Хорвата, и просил, нельзя ли подействовать и надавить на газеты для прекращения неприятных фельетонов. Это уж совсем не вязалось с его прежними протестами, что он и его войска прибыли во Владивосток защищать всяческие свободы. Но надо оговориться, что эти газеты были правого лагеря.

Нет сомнения, что многие из этих господ действовали по незнанию и полному непониманию того, что происходило в России, ни наших настроений, ни верований и надежд; но был, несомненно, и умышленный, организованный вред.

² Медведев, Огарев и др.

В декабре, будучи по делам во Владивостоке, я заехал отдать визит полковнику Робинсону, посетившему на Русском острове мою военную инструкторскую школу. Робинсон вышел, радостно улыбаясь во всю ширину лица, и начал меня поздравлять; когда, видимо, на моем лице отразилось недоумение, он быстро скрылся и вернулся с переводчиком. Начался разговор.

– Поздравляю вас, генерал, скоро будет конец вашей Гражданской войне. Мы получили известия из Версаля.

– ?!

– Союзники решили пригласить на Принцевы острова все русские партии: от большевиков, от генерала Деникина, от адмирала Колчака, от Юденича и из Архангельска, а также и от народа.

– С какой целью?

– Чтобы вы могли сговориться и кончить войну.

Долго мне пришлось доказывать полковнику Робинсону всю нелепость этого плана и его неосуществимость; почти полтора часа затянулся мой визит, а в конце его почтенный полковник Робинсон с ясной улыбкой заявил мне:

– Нет, все это не так. Вот послушайте, что мне пишет миссис Робинсон из дому о том, как там у нас говорят ваши русские! – И он вытащил из письменного стола пачку писем своей жены. – А миссис Робинсон у нас пишет даже в газетах!

Аргумент такой веский, что отбил у меня охоту говорить с ним когда-либо впредь.

Весьма характерный случай среди этого разговора. Зная несколько английский язык, я следил внимательно за словами Робинсона и за тем, как переводчик переводил ему мои мысли. В одном месте почти в начале разговора, когда я разъяснял Робинсону задачи нашей армии и всего дела борьбы, я обнаружил, что переводчик отклонился в сторону и плел уже от себя. Я остановил его и по-английски сказал, что моя мысль была совсем не та. Переводчик смутился и задал мне невольный вопрос:

– А вы разве говорите по-английски?

Он тоже был русский, но Моисеева закона – из Польского края либо из Шклова. И большинство переводчиков в Сибири были из того же изгнанного племени. Как они путали и перевирали, часто явно умышленно! Один английский офицер, капитан Стевини, отлично говорящий по-русски, – он воспитывался в Москве, – передавал мне такой факт. Только что пришел на одну большую сибирскую станцию эшелон войск одной державы; их офицеры встречены нашими; радушные рукопожатия, улыбки, и начинается разговор при помощи переводчика. Наши говорят, он переводит по-английски, – те ответят или зададут вопрос, он к нашим обращается по-русски.

– И так врал, так извращал все мысли и слова, – dokonчил капитан Стевини, – что я подошел и по-английски предупредил иностранных офицеров.

Переводчик-еврейчик переводил, например, слова старого боевого русского полковника о том, что все устали от партийной борьбы и от словоговорения, – так: «Все почти русские офицеры сочувствуют социалистам-революционерам и хотели бы, чтобы у власти стали снова они». Нечего сказать, хорошее и довольно правильное впечатление составлялось при таких условиях у американцев!

Во Владивостоке образовалась штаб-квартира социалистов-революционеров, оставшихся в Сибири; другая часть их перекочевала в Москву и там открыла другой свой центр. Связь шла через Европу с одной стороны, а с другой – при помощи большевистских агентов через фронт. Во Владивостоке же они работали почти в открытую, подготавливали и проводили тот план, который погубил дело русских людей, направленное к возрождению Родины.

Отсюда они раскинули по всей Сибири свою сеть. Прежде всего были устроены опорные пункты, которые образовались в самой администрации. Верховный правитель получил от директории в наследство аппарат далеко не готовый и не совершенный, но со значитель-

ной дозой введенных в него партийных социалистических деятелей. Как уже сказано раньше, губернатором Иркутска был эсер Яковлев, и он оставался незаменным до последних дней. Он умел, когда нужно, явиться в золотых губернаторских погонах, в черном пальто с красной подкладкой, по-военному тянулся и часто прибавлял титул; а вечером того же дня он шел к своим «товарищам» в синей блузе, и они при его участии делали в его губернии свое дело. И сделали его.

В другом важном центре и университетском городе, Томске, был губернатором тоже партийный социалист-революционер, Михайловский, который именовал себя поручиком и даже носил военную форму, надев вместе с нею и личину самого искреннего благожелательства к армии и лояльности. У Михайловского начальником контрразведки, то есть тайной полиции, был еврей Д., бывший коммунистический деятель. В Томске была и другая контрразведка, военная, с талантливым товарищем прокурора Смирновым во главе; Смирнов прямо задыхался, с невероятными трудами открывал заговоры, находил склады оружия, посылал обстоятельные и обоснованные доклады, но им ходу не давали.

До самой весны 1919 года министром внутренних дел был также социалист, Грацианов, приходившийся вдобавок сродни губернатору Михайловскому. Между прочим, было занято крепко эсерами в Томске почтово-телеграфное ведомство. Благодаря этому многие важные телеграммы, особенно шифрованные, извращались и замедлялись, а также обо всех распоряжениях заблаговременно предупреждались их партийные деятели. В центральной конторе у чиновника Рыбака нашли в стене склад оружия, подготовленный на случай восстания и спрятанный в тайнике в стене; был произведен арест, начался процесс, который, увы, ни к чему не привел.

Следующей цитаделью их был Красноярск, где имела эсеровская тайная типография и где работал, скрываясь под чужой фамилией, один из наиболее вредных иудеев, Цербер. Как будет видно дальше, катастрофа, погубившая все дело, и грянула одновременно предательством в тылу армии, в Томске, Красноярске, Иркутске и Владивостоке. И ведь это было все известно раньше, русскими людьми были обнаружены эти гнезда интернационала, но не было силы вырвать их с корнем и обезвредить.

Дальше работа социалистов-революционеров направилась в народные массы; для этой цели они избрали такие безобидные и полезные учреждения, как кооперативы. И центральные управления, и местные отделения были наполнены их людьми и ответственными партийными работниками. «Син-кредит», «Центросоюз» и «Закупсбыт», три главных кооператива в Сибири, были всецело в руках эсеров. Этим путем распространялась литература, добывались деньги, велась пропаганда на местах и подготавливались восстания.

Наконец, были направлены усилия проникнуть в действующие армии. К сожалению, и это удалось им сделать; не всюду, в одну лишь армию вошли они, но и этого было достаточно, чтобы замкнуть круг.

Борьба за власть не была окончена. Временно она отошла лишь на второй план, чтобы подготовить силы и ждать удобного момента. И в то же время всячески мешать живой работе русских людей, сплотившихся около верховного правителя, чтобы спасти Родину и дать своему народу не эфемерную, а истинную свободу идти и развиваться своим историческим путем. А работа была и без того тяжелая, чрезмерная, требовавшая героических напряжений.

Глава 2

Армия и тыл

1

Не прошли даром волнения в Уфе. Наши части на этом направлении были очень слабы численно, они состояли из остатков Народной армии, сведенных теперь в неорганизованные отряды под начальством молодого способного генерала Каппеля; затем здесь же действовали полки и батареи, сформированные в Уфимском районе из добровольцев и мобилизованных, они вместе с чешскими частями входили в отряд генерала Войцеховского. Насколько эти части были исключительны, можно судить по тому, что в волжских батареях Каппеля номерами были офицеры, они же иногда составляли целые роты, которые дрались и умирали, как ни одна воинская часть в свете.

Уфимские и камские полки имели в своих рядах больше крестьян – население этих районов определенно встало все против большевиков. Как пример, могу привести 30-й стрелковый Аскинский полк, сформированный из жителей волости этого названия; полк дрался выше похвалы, а волость давала не только пополнение людьми, она снабжала полк одеждой, обувью, обозом и пищевыми продуктами. Вот как русский народ хотел сбросить большевицкое ярмо и как умел он жертвовать. Или другой полк, 15-й стрелковый Михайловский полк, стяжавший себе боевую славу, как один из первых; он был сформирован и пополнялся жителями Михайловского уезда, посылавшими подкрепления по первому слову.

Генерал Каппель с волжанами совершал чудеса. Он несколько раз отбивал попытки красных взять Уфу тем, что сам переходил в наступление, искусно маневрируя своими небольшими отрядами, и выигрывал блестящие дела, нанося большевикам тяжелые поражения. В то же время уфимцы с чехами сдерживали натиск на других направлениях. Но вот чехи ушли в тыл. Волнения в Уфе и пропаганда социалистов поколебали фронт.

И в конце декабря, как раз перед рождественскими праздниками, Уфа пала. Наши отступили на восток к горным проходам через Уральский хребет. Здесь удалось удержать фронт в течение всей зимы.

Но необходимо было немедленно влить какие-то свежие части для устойчивости, необходимо было волжанам дать время хоть немного отдохнуть, сформироваться, пополниться, одеться, чтобы весной можно было начать с ними наступление.

Еще более настойчиво требовалось ввести в армию определенный порядок, перейти от хаотической отрядной организации к правильному делению на корпуса, дивизии и полки, создать небольшие работоспособные штабы и органы снабжения.

Можно себе представить всю трудность этой сложной задачи, которая стояла тогда перед Верховным главнокомандующим и его Ставкой. Его начальник штаба генерал Д. А. Лебедев справился с честью с этой задачей; ему случалось вести работу иногда целые сутки, зачастую завтракая и обедая у себя в кабинете. Приходилось работать без усталости и без малейшего откладывания дела, ибо жизнь требовала быстрых решений, и каждый пропущенный день мог свалить все хрупкое тогда сооружение. Шла лихорадочная деятельность среди бурлившего, не установившегося еще русского моря; надо было одновременно разбираться и вести дело с разнообразными военными представителями интервенции, говорить с ними, выслушивать их бесконечные требования и вводить их в рамки.

Все силы, действовавшие на фронте против большевиков, были разделены на три отдельные армии: Сибирскую – на Пермском направлении с базой в Екатеринбурге, Западную – на Уфимском направлении с базой в Челябинске и Оренбургскую, действовавшую на юге. Армии

были составлены из тех войск, которые действовали и раньше на этих направлениях, с подачей им из тыла всего мало-мальски боееспособного, что можно было к этому времени собрать. Во главе армий были поставлены: Оренбургской – атаман генерал Дутов, Западной – генерал Ханжин, а командовать Сибирской армией был назначен генерал Гайда, поссорившийся к этому времени с чехами и поступивший на русскую службу. Почему именно выбор остановился на этом иностранце, так мне и не удалось выяснить точно; было это сделано А. В. Колчаком, отчасти, как бы в благодарность за то, что Гайда в свое время один из первых определенно поддержал его и проявил не только полную лояльность, но и преданность.

Генерал В. О. Каппель

Все три генерала получили права командующих отдельными армиями, то есть почти равные правам главнокомандующего, для того чтобы дать им более возможности и свободы проявлять инициативу в устройстве и увеличении их сил. Для той же цели армейские районы были определены до реки Иртыша, давая огромные пространства для производства людской, кон-

ской и повозочной мобилизаций, для устройства всяких мастерских и образования запасов путем использования средств района.

Работа шла очень живо, почти лихорадочным темпом. Армии сами формировали новые части, составляли запасные для подготовки пополнения, вели ему учет, расходовали его, сообщая с нуждами фронта, имеющимися средствами снабжения и планом действий, налаживали все сложное снабжение.

Ставка регулировала эту работу, вводя ее, насколько было возможно, в общие нормы, уравнивая излишки, пополняя недостачу. Приходилось заново пересмотреть и пересоставить все штаты, многие законоположения, наладить совершенно расстроенный аппарат для подачи из Владивостока получаемого от союзников вооружения и боевых запасов. Надо сказать, что ведь те нормы, по которым была построена наша старая русская армия, разваленная социалистами в 1917 году, в большинстве своем теперь требовали изменения; с одной стороны, за время германской войны в них нашлось много неправильного, не оправдавшегося и тогда опытом, с другой – были в них и анахронизмы, уже отжившие свой век, восстановление которых было бы реставрацией их вопреки здравому смыслу и жизненным требованиям.

Путь для работы лежал теперь такой: взять из старого все лучшее, освященное успехами русской армии, связанное с нею исторически, вытекавшее из естественных условий и особенностей русского народа; необходимо было в дополнение к этому ввести все, что требовалось самой жизнью и новыми условиями, вызванными войной. Ибо отрицать это новое, не принимать его во внимание, держаться слепо старых образцов было бы так же безрассудно, как и другая крайность – полное отрицание своих исторических норм и старание изобрести что-то совершенно новое, ничем даже не напоминающее прежнего.

Работа должна была идти по твердому пути, сопрягая эти два условия, необходимые для ее успеха; и те результаты, которых удалось добиться за зиму, говорят сами, красноречивее всяких словесных доказательств, за то, насколько правильно и напряженно велась эта работа.

Фронт был удержан на Уральских проходах к западу от Аши Балашовской, все попытки красных прорвать его отбивались. В то же время армия пополнялась, росла, приобретала правильную организацию.

Волжский корпус генерала Каппеля вывели в тыл в район города Кургана, на Тобол, чтобы отличные боевые кадры его пополнить, подучить, одеть и снабдить всем необходимым. Последнюю задачу взял на себя генерал Нокс, обещавший все, что нужно для волжан, подать в первую очередь. Пополнение людьми и конским составом должна была сделать Ставка, так как Волжский корпус был оставлен в ее распоряжении. Тут сказалась некоторая автономность армий; ни Сибирская армия, ни Западная не давали пополнения людьми, так как каждая была занята всецело пополнением и формированием «своих» частей; лошади были получены из западной армии, несколько с опозданием она же дала и часть людей. Часть же пополнения генерал Каппель был принужден взять из пленных красноармейцев, которых после некоторого обучения поставили в строй.

Вскоре произошло событие очень радостное, но имевшее большое влияние на уклонение в неправильную сторону.

23–24 декабря была взята Пермь войсками Сибирской армии, операция была проведена среди лютых морозов с малыми для нас потерями и дала блестящие результаты.

Это явилось как бы компенсацией за потерю Уфы и показало, что работа над созданием армий идет успешно. Запасы, взятые в Перми, склады и военные заводы давали, кроме того, возможность пополнить многие пробелы в снабжении наших войск. А эта сторона, невзирая на всю проявленную энергию и работу, оставляла желать много лучшего. Не говоря уже о том, что наше воинство было одето так разнообразно, как великое ополчение 1613 года, многого прямо не хватало такого, без чего жизнь и служба становились невозможными; было мало полушубков, валенок и даже шинелей, чувствовался острый недостаток в винтовках и патронах.

На Сибирскую армию щедро даны были награды. Генералы Гайда и Пепеляев получили чины генерал-лейтенанта и Георгии 3-й степени; многие из офицеров были произведены в следующие чины, причем Гайда, начавший с этих пор проявлять большую самостоятельность, отдавал иногда приказы о производстве прямо из поручиков в подполковники.

Штаб-квартира Сибирской армии была в Екатеринбурге. Это центр горнопромышленного Уральского района, население которого отличается довольно большой зажиточностью, сохраненным крепким семейным укладом, религиозностью, монархическим настроением, честностью и в большинстве прямым, хотя и нетвердым характером; это не был материал для большевиков. Наоборот, с первого дня восстания местные жители присоединились к белым и шли целыми селами и волостями в новую армию адмирала Колчака.

Одним из ярких примеров этому служат знаменитые Ижевская и Воткинская дивизии, составленные целиком из рабочих двух больших заводов этих названий и примкнувших к ним волостей; эти дивизии до сих пор борются против большевиков в Забайкалье, пройдя пешком через Урал и Сибирь более 4 тысяч верст.

Все эти простые и хорошие русские люди были поставлены после революции перед свершившимся фактом крушения старого порядка, прежних устоев и перед задачей искания нового, лучшего. В своей доверчивости они шли вначале за тем, кто умел и брал на себя смелость громче и красивее говорить, беззастенчивее обещать. Все это было учтено социалистами-революционерами, которые еще с 1917 года много работали над пропагандой в этом крае. Выметенные отсюда большевиками, они теперь, после освобождения Урала, устремили опять на него свои усилия и попытались снова раскинуть здесь свою сеть.

Не знаю, какими путями – пользуясь ли старыми связями с Чехословацким национальным комитетом или играя на чрезмерном честолюбии Гайды, но им удалось проникнуть и в его армию; были введены партийные работники в самый штаб, среди них такой, как известный затем по Владивостокскому и Иркутскому восстаниям штабс-капитан Калашников. Они сумели захватить в свои руки целиком осведомительный отдел, важный тем, что он заведовал всей информацией, имел в своих руках типографии и все средства пропаганды.

И отсюда поплелась сеть по всей Сибирской армии. Исподволь, весьма искусно, тщательно и скрытно для постороннего глаза шла эта подготовка. Те генералы и высшие чины гражданской администрации, которые боролись против этой преступной работы, устранялись с пути под разными предлогами, включительно до клеветы и подстроженных обвинений; так было с екатеринбургским губернатором, затем так же был убран начальник военно-административного отдела Сибирской армии генерал Домонтович, работавший в Екатеринбурге с первых дней восстания.

Пробовали эсеры провести такой же план и в Западной армии, но в самом начале, в середине мая удалось их попытки совершенно искоренить. Эта подпольная деятельность эсеров дала свои плоды гораздо позднее и обратила военные неуспехи фронта в полную катастрофу армии, привела к разгрому всего дела, возглавляемого адмиралом А. В. Колчаком. Теперь же в начале его блестящего и полного надежд периода они, как мыши, подтачивали и буравили тот корабль, на который забрались сами, спасаясь от разбушевавшейся стихии бурного и взбаламученного ими же русского моря.

Все люди на этом корабле были заняты одной мыслью и одним делом, как вернее и лучше привести его в гавань государственности. Работа кипела, и на всем пространстве беспредельной Сибири, от Урала до Владивостока, творилось самое нужное дело, создание армии. Офицерство снова понесло на служение Родине свои жизни, свою кровь и все свои силы. Как показала весна и быстрое движение на Волгу, эти жертвы и усилия были направлены даром.

Да, так показали весна, и лето, и осень 1919 года. Но после того наступила зима и вместе с нею крушение всего большого дела, величайшая катастрофа, какую когда-либо испытывала

Русь. В числе многих причин, вызвавших ее, была полная отчужденность тыла от фронта, полное несоответствие работы в тылу.

2

В военной науке существует очень правильное положение, что ошибка, допущенная в стратегическом разворачивании, труднопоправима до конца кампании. Это положение применимо и в деле организации, особенно при устройстве заново большого разрушенного государственного организма.

Подходя к описанию, как устраивалась и налаживалась работа центральных аппаратов в Омске, необходимо указать на допущение одной кардинальной ошибки, начатой еще блаженной памяти директорией и ее ставкой, ошибки, принятой, как бы по наследству, и новой властью, допущенной дальше ею при новой работе.

Для бедной и неустроенной Восточной России начали создавать аппарат во всероссийском масштабе; строились те многоэтажные постройки министерств, департаментов и управлений, которые рухнули в феврале – сентябре 1917 года в Петрограде.

Люди, которые пришли к верховному правителю и получили его доверие и полномочие, принялись воздвигать из обломков старых дореволюционных учреждений громадную и совершенно неработоспособную машину.

Мне всего ближе пришлось ознакомиться с деятельностью Военного министерства и Главного штаба.

Когда совершился переворот, то вся первая творческая работа выпала на долю небольшого штаба Верховного главнокомандующего во главе с его начальником, генералом Д. А. Лебедевым; и мы видели, как справлялся он и его ближайшие сотрудники с тяжелым делом в самые ответственные первые недели работы. Под их руками армии принимали вид живых и сильных организмов – на исторически верных и необходимых основаниях строились новые, самой жизнью вызываемые формы.

Уехавший во Владивосток и Харбин генерал-майор Н. А. Степанов был адмиралом Колчаком назначен военным министром; долго он не ехал, проводя целые недели в Харбине и, видимо, опасаясь проезда через Читу, так как генерал Степанов был один из самых упорных и непримиримых противников атамана Семенова и «японской ориентации». Наконец перед Рождеством он появился в Омске, привезя с собою на пост начальника Главного штаба генерал-майора Марковского.

С самого первого дня их деятельность может быть охарактеризована так. Вытащены из пыли 24 тома Свода военных законов, все старые штаты и положения, поставлены во вращающуюся этажерку около министерского письменного стола. Как только жизнь выдвигала какой-либо вопрос, – а это было на каждом шагу, – доставался соответствующий том и искалось готовое решение, «старый испытанный рецепт», но, увы, зачастую испытанный и забракованный жизнью, а в условиях разрухи гражданской войны прямо нелепый.

Все сделанное уже Ставкой, та живая организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и неподходящий под узкие старые рамки. Была сначала сделана попытка подчинить Военному министерству все, касавшееся вооруженных сил, чтобы можно было все подвести под эту ферулу крутящейся этажерки со старинными томами законов и штатов. Но верховный правитель на это не пошел и разделил сферу власти так: действующая армия с территорией по Иртыш подчинялась (в военном отношении) начальнику штаба Верховного главнокомандующего, все гарнизоны и запасные войска, вся местность к востоку от Иртыша – военному министру.

Возник дуализм, который приобрел еще более острую форму благодаря личным свойствам действовавших лиц. Д. А. Лебедев, молодой сравнительно офицер Генерального штаба,

не искал власти и не дорожил ею, преследуя исключительно цели боеспособности армии и стремясь вызвать для того к деятельности все живые силы. Н. А. Степанов оберегал свой престиж, вместе с Главным штабом, цеплялся за власть и усматривал в каждом начинании, несогласном с его воззрениями, чуть ли не личные против него выпады. Появились трения. Мне лично говорил несколько раз адмирал А. В. Колчак:

– Страшно трудно. При каждом важном вопросе мне приходится сначала мирить нашта-верха с военным министром, разбирать личные обиды последнего.

Но убрать его он не решался, питая дружеские чувства еще по совместной работе в Харбине; когда же просился уйти с поста генерал Лебедев, верховный правитель и слышать не хотел, говоря, что он больше всех в него верит и знает на деле его способность вести работу.

При этих условиях мало было надежды на согласованную работу тыла и фронта.

Военное министерство и Главный штаб распухли до чудовищных по величине размеров; вышли к жизни все прежние отделы, отделения, столоначальники. Создано было военное совещание из семи-восьми дряхлых летами генералов, в обязанности которых входило рассмотрение всех законопроектов и штатов. Долго, многоречиво и весьма добросовестно делалось это; спешные законопроекты лежали целыми неделями, отклоняясь иногда по пустякам, а иной раз так перекраивались, что не оставалось живого места. Но зато на вновь отпечатанных штатах и положениях красовались внизу фамилии членов этого совещания, совсем как на старых, дореволюционных, великороссийских, даже и фамилии похожие были подобраны.

Многоэтажные здания, полные офицеров и чиновников, работали также очень много и усердно; писали из одного отделения в другое и в ставку отношения, составляли проекты, доклады и объяснительные записки. Как один из многих примеров, мне показывал начальник организационного отдела полковник Оберюхтин – человек, весь горевший желанием работать, приносить пользу и делать живое дело, – проект о подготовке офицеров и унтер-офицеров, составленный вначале не только жизненно, но даже талантливо. Три месяца этот проект ходил от стола к столу, и за это время образовался объемистый том. На первом проекте была резолюция военного министра «доложить и пересоставить». На втором, пересоставленном, стояло указание согласовать с такими-то статьями такой-то книги прежних законоположений. Затем шли третий, четвертый, пятый, шестой варианты доклада и объяснительные записки, с объемистыми 56 резолюциями; наконец, на последнем красовалась надпись начальника Главного штаба: «Повременить!»

Еще более грустная по результатам была судьба большого проекта о формировании в тыловых районах Сибири действующих частей для фронта. Был составлен опять-таки вполне жизненный и выполнимый проект и план, по которому армия должна была получить три с половиной дивизии в апреле 1919 года и столько же в августе. Надо было придерживаться этого плана и вести, не мудрствуя лукаво, самую простую работу, а для своевременности было необходимо отдавать соответствующие приказы, соблюдая расчет времени плана. Получилась бы полная обеспеченность боевого дела, даже если бы этот план выполнили даже частично.

Но его постигла та же участь бесконечных переделок, передокладов, исправлений и, наконец, полного отставления; время шло и тратилось самым недопустимым образом. Не было ничего создано и в отношении военно-административного устройства тыла, опять по той же причине увлечения ложноклассическими образцами прежнего бюрократического порядка.

Восстание для свержения большевиков в Сибири было произведено строевыми офицерами и потребовало от них сразу разрешения многих вопросов; был разрешен в числе прочих и этот: отказались от системы военных округов и ввели вместо них корпусные районы с применением территориальной системы. Во фронтовом, армейском районе такой порядок и укрепился, что и давало те силы, которыми фронт вел борьбу. Одним из первых дел нового Военного министерства был отказ от корпусных районов и замена их военными округами; массу времени потратили на это и ничего не добились. Получились громоздкие штабы, – штаб Иркутского

округа имел свыше ста тридцати офицеров, Омского округа – более ста семидесяти. Войск же было только то, что осталось от прежних корпусных районов.

На бумаге отказались и от территориальной системы комплектования войск. Аргументы были веские: ввиду беспокойного состояния страны и непрекращающейся пропаганды нельзя надеяться, что поддерживать порядок в районе будут войска, составленные из местных жителей. Но существовавшие в Сибири условия транспорта, наличие единственной железнодорожной магистрали при чисто сибирских колоссальных расстояниях делали фактически невозможным применение другой системы, кроме территориальной, особенно при том недостатке времени, какой тогда ограничивал все наши действия. В эти дни резче и определеннее, чем в какой-либо другой войне, вставала вся правда великих слов императора Петра I: «Потеря времени смерти невозвратной подобна».

Это – с одной стороны; с другой – надо было предпринимать для успокоения населения и для привлечения всех его симпатий на сторону правительства другие меры. Нельзя было вести священную, освободительную войну против большевиков, не доверяя населению, своему же народу; тогда лучше было и не заваривать каши.

Ведь фронт сумел собрать полумиллионную армию из тех же народных масс; там некогда было разводить теорию и отчеканивать проекты: жизнь требовала быстрой творческой работы. И то, что эта полумиллионная армия образовалась, существовала, вела успешные бои, доказывает лучше слов: 1) с этой работой справились и 2) массы увидели и поверили, что война, на которую их призывают, ведется за Россию и за благо всего ее народа.

Надо понять тоже и запомнить, что такого числа белогвардейцев собрать было невозможно, что невозможно было также гнать массы в армию насильно; не было для этого средств, да и не было желания, так как все вожди армии искренно отдавали себя на служение России, и только России. Но России прежде всего русской, устроенной на ее самобытных, исторических основаниях, великой и самостоятельной. Сложна была психология армии во всем Белом движении, но одно несомненно: настроение лучших ее представителей, а за ними и массы было чисто национально.

Нельзя пройти еще мимо одной стороны, охарактеризовавшей узкобюрократическую деятельность нового Военного министерства. Оно считало себя обязанным стать на страже интересов старшинства в чинах офицерского корпуса и не нашло ничего лучше, как достать из архивной пыли старые «списки по старшинству». По этим спискам и делались почти все назначения. Ни боевые заслуги, ни талантливость, ни доказанная работоспособность и даже подвиги не могли поколебать новых олимпийцев, считавших необходимым для возрождения России прежде всего воскрешение старых, отживших форм. Даже и внешне вид Главного штаба принял тот же чванливый, недоступный и отталкивающий характер петербургских канцелярий.

Наряду с этим пренебрегались истинные интересы офицерства; зачастую представления к производству в следующие чины за боевые отличия, за выслугу лет, еще в германскую войну, месяцами лежали и ждали резолюции военного министра. Сначала даже потребовали было обязательного наличия послужных списков по всей форме и со ссылками на все приказы, хотя бы до 1880-х годов. И долго держались этого правила; наконец поняли, что в такое время, когда офицеры сошлись почти со всех концов света, многие ускользнули из самых когтей большевистского стервятника, – это требование чистая и законченная нелепость.

Вот уж именно где применимо выражение – ничему не научились и ничего не забыли.

Верховный правитель рвал и метал, когда до него доходили сведения обо всем этом. Но господа бюрократы, налетевшие на теплые омские места в избытке, находили и здесь средства для маскировки:

– Это все интриги...

Или:

– Как не совестно отвлекать верховного правителя от дел государственных!

А разве армия, ее боеспособность, ее офицерский корпус – разве это не было тогда делом государственной важности первой степени?

Такая же картина была и в других министерствах Омска. Всюду шли тем же легчайшим путем постройки и копирования старых дореволюционных бюрократических аппаратов; но раньше в них были хотя свои хорошие стороны – десятилетиями налаженное дело, преемственность и опытные работники. Здесь же, в копиях, главное внимание обращалось на внешность. Даже время службы было применительно к Петербургу мирного времени: в 10 часов утра начало, в 12 – перерыв на завтрак, в 4–5 часов конец, и все расходились по домам. Министерства были так полны служивым народом, что из них можно было бы сформировать новую армию. Все это не только жило малодетальной жизнью на высоких окладах, но ухитрялось получать вперед армии и паек, и одежду, и обувь. Улицы Омска поражали количеством здоровых, сильных людей призывного возраста; много держалось здесь зря и офицерства, которое сидело на табуретах центральных управлений и учреждений. Переизбыток ненужных людей, так необходимых фронту, был и в других городах Сибири. Против этого Военное министерство мер не принимало, и почти каждый, кто хотел укрыться от военной службы, делал это беспрепятственно.

3

В ноябре, когда организационная работа только что началась, я прибыл во Владивосток, чтобы начать подготовку и провести формирования там, на Дальнем Востоке России.

Местом для этого был избран Русский остров. Лежит он в океане, верстах в пятнадцати – двадцати от города, имея сообщение с ним только пароходами; на острове еще до войны были построены казармы более чем на дивизию. При создании во Владивостоке крепости, после 1905 года, на острове были возведены форты и батареи, прекрасные, построенные по последнему слову техники укрепления; сам остров, благодаря своему выдвинутому положению, гористому характеру и большому количеству закрытых, глубоких бухт, представляет большие стратегические преимущества. До революции доступ на остров был обставлен очень большими трудностями, без пропуска коменданта Владивостокской крепости никто не мог попасть туда; въезд иностранцам был воспрещен вовсе. Когда после революции товарищи захватили власть в свои руки и контроль попал в их комитеты, все переменялось. И это природное сокровище Русской державы было очень скоро приведено в состояние печального разрушения и упадка. Все огромные здания казарм стояли ограбленные, без окон, печей и дверей, грязь была невообразимая, такая грязь, которую можно было видеть только после революции. На остров ехал и жил на нем всякий, кто хотел; там образовались даже притоны преступников.

Приходилось заниматься исправлением всего разрушения, наладить снова порядок и охрану Русского острова.

При ремонте и очистке зданий мне много помогли британские офицеры. С присущей им энергией и размахом они более двух месяцев работали без устали над приведением казарм в жилой вид, три энергичных канадских офицера. Должен по правде сказать, что со стороны английского офицерства русские видели много доброго, много искренних дружеских чувств и откровенного благодарного признания великих заслуг России в мировой войне. Большинство из них вполне оправдывало название джентльмена, они доказали, что русские могут иметь дело с отдельными представителями их нации. И тем обиднее для обеих сторон, и тем невыгоднее – та двойственная политика, которую вел все время их словесный диктатор, Ллойд Джордж, этот, как его называли в Сибири, Керенский крупного масштаба. Эта двойственная политика, полная какого-то скрытого смысла, в числе других причин, привела в конце концов к гибели на востоке русское дело, а вместе с ним и многомиллионные военные грузы, которые Англия

привезла в Сибирь. Эта же двойственность совершенно затемнила те услуги и ту работу, которые бескорыстно и рыцарски несли здесь многие британские офицеры.

Мне удалось собрать для подготовки пятьсот офицеров и около восьмисот солдат. Курс был составлен самый простой, почти применительно к учебной команде и школе подпрапорщиков мирного времени. Главной целью было – упорным трудом и регулярной казарменной жизнью счистить революционный товарищеский налет, показать на самом деле все преимущества крепкой воинской дисциплины и порядка.

Кроме того, нужно было считаться, что времени было до крайности мало. Основные обязанности младшего офицера, в сущности, не сложны; они требуют только очень отчетливого знания всего, что должен знать солдат; младший офицер обязан уметь быстро решить всякую задачу в поле, быть мастером этого дела, чтобы не растеряться и не промедлить. Вот такого-то мастера в пределах взвода и роты, отчетливого инструктора для подготовки молодых солдат и надо было сделать в два-три месяца.

Были попытки провести это дело подготовки на Русском острове и раньше, осенью того же года, но они окончились неудачей. Мой приезд с целью начать то же дело встретил поэтому недоверчивость и даже скрытые улыбки преждевременного сожаления.

Стали прибывать партии офицеров. Редкие из них приезжали в военной форме, большинство в самых разнообразных штатских костюмах, иные почти в лохмотьях, длинноволосые, небритые, с враждебным недоверчивым взглядом исподлобья. Они слушали слова о необходимости работы и дисциплины, хмуро и недовольно глядя из-под сдвинутых бровей.

Бедное русское офицерство! Оно принесло миру и своей Родине жертв больше всех; никто не перенес зато и таких страданий, мук и обид, какие выпали на его долю.

Условия работы были следующие: весь день распределен по расписанию, восемь часов в день занятий, казарменная жизнь строго по уставу внутренней службы. Отпуск в город раз в неделю, в воскресенье. Зато весь возможный комфорт был предоставлен на острове. С первого дня этот порядок и работа пошли как новая, исправная и точно заведенная машина.

Трудно было вначале. Генерал Степанов, помогавший мне несколько дней и живший во Владивостоке, передал раз предупреждение – кем-то выраженные угрозы убить начальствующих лиц за введение такой строгой дисциплины. Но надо заметить, что самым тяжелым наказанием был выговор старшего начальника в присутствии части после разбора проступка. Арест не применялся вовсе и даже не был введен в инструкцию-устав школы, так как офицер или солдат, не желавший измениться к лучшему после трех случаев выговора, не исправился бы от ареста и подлежал отчислению или даже разжалованию, в зависимости от серьезности проступка.

Первые две недели было тяжело всем. Начинались занятия в 7 часов утра, кончались в 7 часов вечера, чередуя учения в поле с лекциями. Туго вначале прививался и казарменный порядок. Когда я через неделю выехал по делам на день во Владивосток, адъютант докладывает мне по телефону, что один рядовой-офицер первой роты, поручик военного времени В. сделал попытку застрелиться, выстрелил из револьвера себе в правый бок; все офицерство волнуется. Я тотчас вернулся на остров, собрал роту и разъяснил им всю сущность этого некрасивого поступка, что так офицеры не поступают.

Офицеры слушали молча. Но я уже встретил среди массы не одну пару глаз, смотревших на меня не только с пониманием, но и с сочувствием, прямым, открытым взглядом.

Прошел первый месяц – и какая разительная перемена! Из беспорядочной толпы образовалась стройная воинская часть. Занятия шли полным ходом и уже не утомляли, – все втянулось. Усиленная работа и приобретаемые знания давали каждому уверенность в себе, сознание в исполнении долга. А это вместе со здоровым режимом и прекрасным зимним воздухом острова наложило на лица отпечаток мужественности и чистоты.

Много раз представители иностранных миссий просили позволения осмотреть эту новую военную школу. И вот они приехали, приглашенные на одно наше торжество: открытие мраморной доски на домике, где до войны жил на Русском острове генерал Л. Г. Корнилов.

После парада был смотр двух рот. Рота капитана Ярцова показала отчетливое ротное ученье, то что у нас называется «на пятак»; шаг и все приемы, как один, перестроения, как в гвардейской учебной команде. Стояли иностранные офицеры, молча смотрели на спаянную, отчетливую роту, и на их лицах постепенно выростало удивление, заменившее прежнюю пренебрежительную мину. Когда же после учения рота вытянулась длинной колонной и, сверкая штыками, уходила по морскому берегу, звеня могучей русской песней, все эти представители «пяти великих держав» стояли на своем возвышении из штабеля бревен и постепенно поворачивали головы вслед уходившей роте, не могли оторвать внимательного взгляда.

Что это? Неужели Россия встает из гроба?

Мы верили, что да, встает, кончаются ее великие, неизреченные испытания...

Тактическое учение произвело еще более сильное впечатление. Японский генерал и два офицера до того увлеклись, что сами шли за той или другой частью, то бросались к обходящему взводу, то к пулеметам, отражавшим контратаку. После отбоя они пожимали офицерам руки и говорили:

– Да, да, это вот действительно хорошо.

Один из лучших иностранных офицеров, показавший себя большим другом России, американский адмирал Роджерс прислал мне на следующий день письмо с выражением полного восхищения.

«Вид людей всех рот, такой довольный и веселый, доказывает, что они счастливы; а это лучший залог большого успеха, которого вы уже достигли», – писал он.

Генерал Нокс передал школе знамя, подарок возрождающейся русской армии от британской армии, – соединенный русский национальный и Андреевский флаг с образом Георгия Победоносца и с надписью «За веру и спасение Родины». 1 января состоялось его освящение в нашей военной церкви. Из города приехали корреспонденты русских газет, несмотря на то что погода была ужасная, – один из тех редких даже здесь тайфунов, когда сносятся его силой крыши, вырываются с корнем деревья. Идти против ветра можно было только согнувшись под прямым углом.

Церковная торжественная служба, парад в помещении, вид стройных рот, весь внутренний, отчетливый, воинский порядок так поразили газетных людей, что даже социалист Семешко, который ко всему приглядывался опасливо и недоверчиво, буравя своими черными маленькими глазами, и тот крестился в церкви украдкой, а потом в газете написал отчет о виденном как о надежде на возрождение русской армии.

Приходилось делать некоторую чистку. Среди массы офицерства военного времени попали два самозванца, таких искусных, что их обнаружили не так-то скоро; затесался один прапорщик, бывший ранее большевистским комиссаром, человек пять попалося неисправимых. Зато остальные через два с половиной месяца были уже совершенно другими.

Отличные русские офицеры, полные сознания долга, связанные честным товариществом, *esprit de corps*, и знающие свое дело. Если бы им можно было показать теперь тех, что пришли на Русский остров, то они сами себя бы не узнали.

Такие же результаты получились и в унтер-офицерских батальонах, где люди постепенно втянулись в работу, утратили навеянное революционными демагогами отчуждение и враждебное чувство к офицеру; теперь отношения были самые нормальные и даже дружеские, чувствовалось, что здесь и офицер и солдат – сыны одного народа. Показателен такой случай: среди присланных мобилизованных кадровых фельдфебелей и унтер-офицеров попал один большевик, который на второй же день начал пропаганду; сначала устроил вечеринку с балалайкой, а затем завел речь, что опять офицеры хотят на старое повернуть, что-де надо им погонны к

плечам гвоздями прибить и т. д. Эффект для большевика получился неожиданный, – дежурный по роте из молодых солдат, пробывших в школе около месяца, явился к командиру роты и доложил о пропагандисте-большевике...

Строевая и полевая подготовка унтер-офицеров после трех месяцев не оставляла желать ничего лучшего.

План дальнейшей работы состоял в том, чтобы из этих офицеров и солдат, так сжившихся, одинаково обученных, воспитанных в дисциплине, сформировать две стрелковые бригады, а школу оставить для дальнейшего укомплектования частей этого корпуса. Были разработаны все подробности плана. Оставалось только по готовому отдать приказы и продолжать совершенно налаженное дело. Но Главный штаб и министерство перерешили. Почему – мне так и не удалось выяснить. Но посылались самые разнообразные приказания; сначала отправить всех офицеров и унтер-офицеров в распоряжение Главного штаба для назначения; затем – поименные списки для отправления по разным городам, причем военный министр брал себе в ординарцы пять офицеров; наконец, последнее – отправить в три новые дивизии, в Омск, Новониколаевск и Томск.

Наладив на Русском острове дело с новым набором офицеров и солдат, я отправился вслед за первым выпуском в Омск, пробыв на Дальнем Востоке с ноября до середины марта.

Много приходилось мне видеть в это время различных сторон знаменитой интервенции; в общих чертах об этом сказано раньше, теперь приведу некоторые факты.

УМСА – общество христианской молодежи, или, как их называла вся Сибирь, «христианские мальчики»³ – устраивает спектакль для развлечения русских и интервентов. Представляется русский офицер с огромным жестяным Георгиевским крестом, женщина русская в виде уличной девки, бородатые мужики и бравый иностранный солдат, который спасает женщину. Вся публика, кроме русских, забавлялась и громко хохотала. А русские глотали слезы обиды...

На улицах Владивостока иностранные солдаты позволяли себе затрагивать вполне порядочных женщин; было несколько случаев, когда русские женщины должны были обороняться от них зонтиками.

В конце февраля я приехал с острова на большой благотворительный вечер. При входе в бальный зал стояли три иностранных офицера одной из стран-интервенток, нагрузившиеся до того, что тела их покачивались, а глаза смотрели мутно-осоловелым взглядом; лишь только я вошел, как ко мне обратились несколько дам и со слезами на глазах просили защитить их, – эти три рыцаря печального образа затрагивали всех входивших в зал женщин, некоторых хватили руками.

Я подошел к ним.

– Джентльмены, я прошу вас прекратить ваше пребывание здесь и немедленно оставить бал.

Те тупо на меня посмотрели, а один из них вызывающе спросил:

– Какое вы имеете право говорить нам так?

– Вот что, – если вы немедленно не уйдете отсюда, я буду принужден употребить силу, а кроме того, сейчас же протелеграфирую генералам Ноксу и Эрмслею.

Не знаю, что больше подействовало, думаю, второе, но интервенты поспешили уйти с бала.

Один подвыпивший итальянский солдат (по фамилии Сартори) убил на Владивостокском вокзале русского офицера, командированного сюда атаманом Дутовым; офицер делал замечание русскому солдату, итальянец вмешался и толкнул офицера, а когда тот вынул

³ Опять-таки и тут послали они в Сибирь большею частью своих агентов из иудейского племени, русских эмигрантов, настроенных к России и к русскому народу непримиримо враждебно.

револьвер, то интервент схватил свою винтовку и сразил есаула К. насмерть. И, несмотря на все протесты, остался безнаказанным.

На похороны этой жертвы интервенции я послал две роты и хор музыки. В соборе, на Светланке, у гроба есаула К. стоял почетный иностранный караул: взвод карабинеров и парные часовые, все в киверах. Духовенство посылало к ним с просьбой снять шапки; но те отрицательно мотали головой. Произошла заминка, так как священник отказался начинать отпевание, пока иностранные солдаты не подчинятся религиозному требованию. Как раз при входе в собор я застал эту сцену. Обратился по-французски к офицеру, начальнику караула:

– Наша религия требует, чтобы в церкви все были без шапок. Будьте любезны приказать вашим людям сейчас же снять кивера.

– Но у нас полагается быть в шапках...

– Ради бога, не забудьте, что вы здесь не у себя, а у нас.

– Но тогда мы не можем делать приема на караул, по нашему уставу нельзя.

– Да и не надо, – лучше не делать ничего, чем оскорблять религиозное чувство народа. Видите, публика как взволнована. Можете уходить совсем. Для почестей убитому у меня есть своих две роты.

Только тогда караул подчинился и обнажил головы.

Вскоре после прибытия на остров мне было доложено, что чины одной из иностранных армий ходят по Русскому острову и производят топографические съемки; с появлением рот школы, караулов и патрулей это прекратилось. Вскоре мне понадобились для занятий и маневров наши военные карты. Запрашиваю штаб крепости. Отвечают: забрала военная часть одной из дружественных стран, занявшая Хабаровск, где был топографический отдел штаба округа.

– Как! Наши секретные карты?

– Да, все забрали...

Обратился к помощи англичан, чтобы вернуть, но так до марта месяца и не вернули. Кому-то они понадобились больше, чем России. Кому?

А вот выдержка из газеты, издающейся в Кобе (Япония), The Japan Chronicle от 25 июня 1920 года из статьи под заглавием: «The alleged sale of maps». «...Цунанори Ойяма, племянник князя Ойяма, был арестован токийской жандармерией по обвинению в продаже секретных стратегических карт известному иностранцу (to a certain foreigner). Когда Ойяма вернулся из Сибири, он завязал дружеские отношения с военным атташе посольства известной страны (of a certain country). Этому иностранному офицеру Ойяма продал карты стратегической важности за 40 000 иен...»

Цунанори Ойяма был в 1919 году официальным лицом в Сибири при интервенции. Как принято писать: комментарии излишни!

Можно было бы исписать одними случаями, рисующими скрытый характер интервенции, не одну книгу; я привожу эти факты не для того, чтобы задевать кого-либо или настраивать против кого-нибудь, а лишь с целью не быть голословным в сказанном раньше. Возникает вопрос: кому больше повредили все подобные господа – нашей России или своим странам, которые послали их на рыцарскую помощь своему страждущему союзнику?..

Из впечатлений обратного пути от Владивостока до Омска – сначала Харбин с той же толпой, еще более густой, шумной и спекулятивной; но порядок и авторитет русской власти заметно окреп за время правления адмирала Колчака. Китайские власти соблюдали все прежние договоры, и русские суверенные права здесь не нарушались.

Читу опять проехали ночью. Я пошел спать, а генерал Нокс решил дожидаться, так как на вокзале должен был встретить его с подробным докладом офицер миссии, майор Керквуд.

Утром рано прихожу в вагон-столовую пить чай, вижу: там в углу сидит один Керквуд, отличный человек, такой веселый, бодрый и прямодушный, как истый строевой офицер.

– Здравствуйте, майор. Как вы здесь очутились?

– Хелло, генерал! Да вот, ночью доложил я все генералу Ноксу, а он мне и говорит: соби-
райте сейчас же ваши вещи, поедете со мною в Омск. Ничего не знаю, почему? – И смеется.

– Что же вы докладывали? Как положение в Чите?

– Да прекрасно там; атаман очень хороший человек, и все у него организовано в порядке.
Очень стараются.

Вскоре вошел Нокс.

– Вообразите, – сказал он, – Керквуд сделался заядлым семеновцем.

И долго еще этот вопрос дебатировался; майор описывал работу в Забайкалье, борьбу с
большевиками, большие заботы атамана Семенова об офицерах, казаках и населении. Я выска-
зывал генералу мои соображения, которые приводил выше, но он так и остался при своем мне-
нии, не только пристрастном, но, видимо, имеющем скрытую цель; мнение это, которое Нокс
не раз выражал даже и в печати, – что в Чите все плохо, много беззакония и большое японское
влияние.

Иркутск. Тихая, вялая работа по формированию, почти без продвижения вперед. Огром-
ный штаб округа представил подробные справки и схемы, но не мог составить плана мобили-
зации и осуществить его. Губернатором оставался все тот же Яковлев, и население губернии
все больше волновалось; то там, то тут вспыхивали восстания.

Вскоре въехали в опасный участок железной дороги. Около станции Тайшет (восточнее
Красноярска) шел бой с бандами красных, такие же банды были и к югу от Красноярска.

За четыре месяца все части Сибири объединились, не представляли более отдельных
самостийных уделов. Инцидент с атаманом Семеновым был улажен, приказ № 61 отменен.
Условия для дружной и усиленной работы, казалось, были налицо. Но дело или подвигалось
туго, или стояло на месте, а изредка стало идти назад, создавая новые препятствия и затруд-
нения. Причины этого отчасти обрисованы выше, они крылись прежде всего в разрушитель-
ной работе социалистов. Их потайная работа начала уже давать первые результаты. Во многих
местах в глубоком тылу появились новые внутренние фронты, железнодорожная магистраль и
весь транспорт были частично под угрозой от красных банд; приходилось отвлекать войска на
борьбу с ними, так как воинские части интервенции, а за ними и чехи понимали задачу охраны
железной дороги узко, то есть только самой линии рельс и станций.

На фронте же в это время наша армия начала успешное наступление, готовое обратиться
в победу. Вера в успех русского дела была полная; казалось, не за горами час избавления Рос-
сии.

Что же нам нужно было для успеха?

4

Борьба в этой внутренней, братоубийственной войне велась за идею, священную для каж-
дого русского, – за возрождение великой России. Для всех было несомненно, что социалисты
развалили русскую армию в 1917 году, как раз в то время, когда она была накануне полной
победы над Германией; затем они заключили позорнейший Брест-Литовский мир, унизив рус-
ский народ до небывалых размеров. И, высыпав, как из бездонной бочки, всевозможные анар-
хические свободы, до оправдания кражи включительно, они начали разрушать страну внутри.
Беспощадной и дьявольски искусной рукой было направлено это разрушение, и коснулось оно
всего: городов, деревень, железных дорог, школ, судебных установлений, общества, церкви и
семьи.

Каждый протест душился, каждый несогласный к безусловному подчинению этой новой
разрушительной власти бросался в тюрьму или ставился к стенке под расстрел.

Были учреждены чрезвычайные следственные комиссии с абсолютной властью, сви-
репствовали самодуры-комиссары и Красная армия. Большевики прихлопнули всю прессу,

закрыли все газеты и журналы, кроме партийных коммунистических, и реквизировали все типографии.

Россия, уставшая в мировой войне и потерявшая в ней лучших сынов своих, задыхалась, дрожала и тонула в крови и слезах. Ибо, к чести русского народа, – не было ни одного дня и часа с самого воцарения большевиков, чтобы вся Русь подчинилась, покорно согнула свою многострадальную спину. Нет, с осени 1917 года и до сих пор, до осени 1920-го, три года наша Родина бьется и напрягается, чтобы сбросить чуждое ей, ненавистное иго интернационала.

Делом заправляла, из центра в Москве, кучка пришельцев, нанятых Германией; среди них девять десятых были иудеи, прикрывавшие свои специфические фамилии «блюмов» и «штейнов» псевдонимами. Такие же личности из того же энергичного племени появились в каждом городе и местечке России, никому на местах не известные и также прикрывающиеся и до сих пор поддельными именами на русский лад.

И эти люди, новые властители великого русского народа, ненавидели его самой неприимой ненавистью, презирали его историю, быт и культуру. Никому не известные на местах, не связанные с ними, они особенно свирепствовали. Поэтому-то разрушение страны шло особенно мучительно, ускоренно и беспощадно. К этим интернационалистам, обрезанным, присоединилось из русского народа все, что было худшего, самые подонки; в комиссары шли и принимались каторжники и уголовные преступники, масса беспринципных неудачников на разных поприщах и люди без чести и совести – из-за личной наживы. Такие же контингенты с надбавкой некоторого процента увлекающихся истеричных фанатиков составили коммунистическую партию, из которой, и только из которой составлялись Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Для возрождения России было необходимо прежде всего сбросить всех этих вампиров, присосавшихся к власти и выпускающих кровь из русского народа. Это сознавалось всеми слоями его, всеми племенами, и оттого-то так могуче и откликнулась народная масса на призыв вождей и шла сотнями тысяч под русские национальные знамена. Так началась Гражданская война.

Но большевики, руководимые этими отличнейшими организаторами своего разрушительного дела – евреями, сумели сдавить русский народ и общество таким прессом, что заставили их служить себе. Ряды Красной армии пополнялись нашими братьями, прежними русскими генералами, офицерами и солдатами.

Не подлежит сомнению, – ибо этот взгляд существовал еще в 1917 году, – что довольно значительная часть офицерства шла служить коммунистам с твердым намерением свалить их и с верой, что с падением большевиков кончатся революционные испытания Родины и настает время для плодотворной, творческой национальной работы. Это подтверждалось неоднократно также теми офицерами, которые на Урале и в Сибири переходили от красных к нам, в нашу армию; и это обстоятельство было самой мучительной стороной новой войны. Выходило, что мы должны для победы над захватчиками власти и насильниками-комиссарами истреблять во многих боях своих братьев, кладя немало жизней и на нашей стороне. И Россия была готова к этой жертве, она принесла ее.

Но необходимо было очень многое для того, чтобы великая жертва нашла оправдание. Прежде всего для армии нужны были подготовленные офицеры, жизненная организация ее, правильно продуманные и составленные планы, хорошо организованный тыл и налаженная работа железных дорог. Со всем этим мы могли справиться сами; мы должны были это сделать, и с большой частью этого мы справились.

Затем для армии необходимы были вооружение, боевые припасы, обмундирование, обувь, снаряжение, техническое и санитарное снабжение; этого добыть или изготовить сами мы были не в состоянии; нам все это обещали дать союзники.

Для обеспечения военного успеха и закрепления порядка в стране было крайне необходимо в успокоенных и очищенных от большевиков местностях сейчас же наладить жизнь, и наладить ее так, чтобы население этих местностей почувствовало уверенность в прочном порядке, получило бы возможность и охоту заниматься своим обычным продуктивным трудом. Следовало опереться в этом на само население, призвать к деятельности его лучшие и средние элементы, дать им самим организацию волостной и уездной власти и управления. Надо было разрешить, не задаваясь всероссийским масштабом, земельный и рабочий вопросы так, чтобы они удовлетворяли местные насущные интересы, так волновавшие народ этих областей. Это должно было сделать новое правительство.

Кроме того, для этой же цели было крайне важно дать населению возможность приобретать необходимые для жизни и труда предметы: одежду, обувь, машины и аптечные товары. Помощь в этом обещали союзники.

Хлеб, мясо, масло, рыбу, фураж и всякое сырье Сибирь давала не только для своей армии и населения, но могла еще вывозить.

Вот те нужды и те условия, удовлетворение которых обеспечивало бы успех делу народной освободительной войны. И армия, и вожди ее не мыслили этой войны за какой-либо отдельный класс, за чьи-либо интересы, кроме общенародных, всей Русской земли.

Необходимо было это еще более ясно показать всем, а особенно противной стороне, Красной армии; надо было сказать вполне искренно и проводить в жизнь, что никакая мстительность, мелкая злоба и расчет за старое не будут допущены при новом строительстве нашей общей Родины; что наша цель одна – вырвать власть из рук большевицких комиссаров и передать ее народу. При работе же по восстановлению России каждому русскому место найдется.

Полный неуспех дела, крах его и в Сибири, и на Юге России, и у Юденича, и в Архангельске как будто говорит, что все делалось не так, как нужно. Верно, многое, как будет видно дальше, было упущено; но главные причины лежали не в том.

Надо отдать справедливость: то, что нам было необходимо и чего мы не могли изготовить сами, нам давали союзники почти в полной мере. Но как? Они привозили все это во Владивосток и складывали в обширные пакгаузы. Затем начиналась выдача не только под контролем, но и при самом тягостном давлении на вопросы во всех отраслях. Одним иностранцам не нравилось, что нет достаточной близости с эсерами, другие считали курс внутренней политики недостаточно либеральным, третьи говорили о необходимости таких-то именно формирований, наконец, доходили даже до вмешательства в оперативную часть, указывая и настаивая на выборе операционного направления. Все это подкреплялось аргументом: у нас запасы всего вам необходимого, мы вам даем, а ведь можем и не дать...

Под таким именно давлением было выбрано направление для главного удара на Пермь – Вятку – Котлас, чтобы соединиться с силами, действовавшими из Архангельска. На главное же направление, жизненно важное для нас, на Среднее Поволжье, были направлены гораздо меньшие силы. А это направление давало нам обладание богатейшим краем, способным прокормить и отопить всю Россию; это же направление соединяло Сибирскую армию с силами Юга России.

У русских людей, которые своей кровью и новыми жертвами хотели спасти Родину и возродить ее, появилось семь нянек, не русских, добрых и родных, а семь иностранных гувернанток; каждая из них считала себя самой умной и способной помочь «этим русским». В результате мы оказались не только без глаза, но и без рук, и без ног.

Еще одно обстоятельство невольно обращало на себя внимание: как только обнаружился в армии и в народных массах чистый национализм, тоска по великой России былого, – опека усилилась и давления сделались резче. И даже проявились открытые выступления представителей интервенции, очевидно считавших национальное возрождение России вредным для себя, недопустимым.

А национальное чувство росло в массах народных и крепло вместе с первыми успехами нашей армии.

5

Повторилась одна из комбинаций, встречающихся почти в каждой войне, когда обе стороны усиленно готовятся к активным действиям, к переходу в наступление после затишья и временного перерыва, но одна успевает произвести удар раньше. Повторилось то же, что было в 1906 году при начале Мукденского сражения, когда японцы предупредили всего на несколько дней наступление Куропаткина; или в весенней кампании 1915 года в Галиции, когда Макензен сумел подготовиться и произвести прорыв нашего фронта на Карпатах, опередив расчет и план действий нашего командования. И всегда сторона, вырывавшая инициативу, сумевшая лучше использовать время, бывала победительницей.

Весной 1919 года Красная армия готовилась перейти в наступление, но мы предупредили ее и начали активные действия раньше, первыми.

Западная армия по приказу генерала Ханжина двинулась вперед, рванула фронт красных раз, отгеснила их немного, затем рванула в другой раз. Было несколько дней очень тревожных и опасных. Большевики напрягали все силы, чтобы спасти положение и отбить атаки нашей армии; они искусно направили свой контрудар, чтобы выйти нам в тыл и перехватить единственную здесь железную дорогу. Но и на этот раз наши предупредили противника. Блестящим смелым маневром, сделав в несколько дней свыше 300 верст по глубоким снегам, вышла 4-я Уфимская дивизия генерала Космина в тыл красным, перерезала у станции Чинимы их коммуникационную железную дорогу и этим сразу облегчила натиск наших с фронта. 13 марта, благодаря занятию генералом Косминым Чинимы, пала Уфа.

Для красных этот марш-маневр 4-й Уфимской дивизии был так неожидан, что они не могли подготовить никаких мер противодействия и не успели эвакуировать Уфу. Нам достались там большие запасы и богатые склады, захвачены были тысячи пленных и много оружия. Наши войска 3-го и 6-го корпусов спешили к Уфе почти наперегонки и вошли туда одновременно, заняв город и захватив большую военную добычу. Поезд, привезший из Москвы самого Лейбу Троцкого-Бронштейна, еле успел ускользнуть на запад и чуть не был захвачен генералом Косминым.

Настроение наших войск приподнялось сразу. И, несмотря на весеннюю раннюю распутицу, Западная армия начала дальнейшее наступление и преследование красных.

Быстро развивался план. События и успехи следовали одни за другими с быстротой Галицийской осенней кампании. 6 апреля взят Стерлитамак, разбита еще одна советская дивизия; 7 апреля захвачен нашими город Белебей. К этому времени началось наступление уже по всему фронту; 8 апреля был достигнут крупный успех и в Сибирской армии – выбили красных из Воткинского завода.

Перешла успешно в наступление и Оренбургская армия генерала Дутова. Это весеннее наступление белых армий 1919 года было подобно могучей русской тройке, которая не знает ни усталости, ни преград, ни расстояний; мчится вперед, как птица, пронесется как ураган, все сметающая на своем пути, гордая, прекрасная и грозная. В корню шла Западная армия, пристяжками были Оренбургская и Сибирская.

Красные полчища почти бежали, делая на подводах в иные дни по 70 верст. Догнать их, окружить и разбить было нельзя. Но, несмотря на это, масса трофеев – десятками пушки, сотни пулеметов, винтовки, снаряды и патроны – попадала в руки наших войск. И белые полки буквально рвались вперед. Высшее командование сначала думало приостановить Западную армию на реке Ик, чтобы дать разобратся, пополниться, передохнуть. Но порыв бросил вперед, дальше. Решили, что передышку устроят на Волге.

11 апреля была обойдена и занята Бугульма; в этот же день на севере сибиряки захватили Сарапул, а на юге был взят Орск. 13 апреля белые освободили исторический Ижевск с его знаменитым заводом.

Красные начали приходить в панику. Они рассказывали жителям бросаемых деревень разные небылицы про нашу армию. Забавно передавали нам крестьяне своим простым безыскусным языком эти рассказы:

– Вишь ты, говорят, рази возможно с ими справиться али остановить их. Наше начальство только выберет позицию, чтобы окопов нарыть и бой дать, а колчаки тут уже, прямо точно из земли вылезли али на крыльях прилетели. Не успели мы и лопат достать...

– У них, парень, у колчаков-то, у каждого на ногах по два американских лыж на колесиках, вроде как на автомобиле, а к лыжам механический пулемет у каждого приделан. Как нам тут обороняться против них. Никак невозможно...

Сильно была распространена в народе версия, что Белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поет «Христос воскрес». Эта легенда распространилась в глубь России; спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взглядом смотрел на восток, откуда в его мечтах шла уже его родная, близкая Русь.

Спустя пять недель, когда я прибыл на фронт, мне передавали свои думы крестьяне при объезде мною наших боевых частей западнее Уфы:

– Вишь ты, ваше превосходительство, какое дело вышло, незадача. А то ведь народ совсем размечтался – конец мукам, думали. Слышим, с Белой армией сам Михаил Ляксандрыч идет, снова царем объявился, всех милует и землю крестьянам дарит. Ну, народ православный и ожил, осмелел, значит, комиссаров даже избивать стали, рассказывали мне крестьяне. Все ждали, вот наши придут, потерпеть немного осталось. А на проверку-то вышло не то, – закончили они. И кучка односельчан, стоявшая кругом и жадно слушающая рассказ, вздохнула глубоко, как бездонное горе, вздохом.

Но в апреле казалось еще все безоблачным. Успехи армии продолжались. Наступление развивалось, войска шли все дальше и глубже, манила Волга.

17 апреля был взят Бугуруслан, откуда двинулись на Бузулук, чтобы отрезать Туркестанскую армию красных, занимавшую Оренбург. 29 апреля 2-й Уфимский корпус рванулся еще вперед и захватил Сергеевский завод, всего в 50–70 верстах от Волги. 4 мая Сибирская армия, развивая свое наступление на севере, заняла город Елабугу.

В это время Сибирская армия была более чем в полтора раза сильнее Западной; главная масса сибирских войск была сосредоточена на Глазовском направлении – все на той же несчастной для нас линии Вятка – Котлас. Западная же армия, проделав блистательно быструю операцию, сильно выдохлась; помимо неимоверной усталости были большие потери, и не столько от боев, сколько от форсированных маршей и холодной, мокрой весенней погоды.

Надо еще сказать и то, что ведь эта армия, сделавшая прямо чудеса, была не вполне регулярна, ведь она имела возраст только четыре месяца организованной службы; понятно, требовать и ожидать от нее настоящей регулярности было нельзя. Вполне в порядке вещей было такое ненормальное явление, что Ижевская дивизия, одна из лучших, потребовала переброски ее на Ижевск, к их дворам. «Мы хотим драться с большевиками, как и дрались, но только желаем защищать свой Ижевск» – так говорили они. А в это время как раз надо было ижевцев во что бы то ни стало перебросить на Бузулукское направление, самое важное для нас в те дни. Но надо понять, что это была ведь гражданская война, которая велась за освобождение страны, а в понятиях масс прежде всего за освобождение их очагов, их земли, своих домов, своих близких.

Конный разведчик-татарин

Надо было также видеть своими глазами, чтобы поверить, во что была одета армия, сделавшая пятисотверстный наступательный поход. Большинство в рваных полушубках, иногда надетых прямо чуть ли не на голое тело; на ногах дырявые валенки, которые при весенней

распутице и грязи были только лишней обузой, – легче и приятнее идти босиком. Так часть и проделывала. Полное отсутствие белья, непрерывное, без остановок движение, насекомые, некогда помыться в бане. Не было возможности почти все семь дней в неделе готовить и давать горячую пищу, – походных кухонь в то время не имелось; питались консервами, хлебом, да чем бог пошлет. Все это вызывало очень большой процент больных. Да можно себе представить и состояние здоровых!

Требовалась самая настоятельная необходимость в немедленной присылке с тыла свежих частей, которые dokonчили бы начатое дело. Только с ними, с новыми частями, можно было рассчитывать форсировать Волгу, чтобы на ней приостановиться и подготовиться к дальнейшей летней кампании.

Как раз в начале весеннего наступления я приехал в Омск и был назначен на должность генерала для поручений при верховном правителе для специальной задачи инспектировать все тыловые части и школы подготовки, следить за их боевой готовностью, принимать меры для ускорения ее, имея непосредственный доклад у адмирала.

Передо мною открылась возможность сразу увидеть, что может дать фронту тыл и когда; зная условия там, в передовых частях, понимая все значение для России переживаемых дней и своевременной поддержки действующей армии, я со своими помощниками провел шесть недель в напряженной работе по инспекции частей ближайшего к фронту Омского округа и мобилизационного отдела Главного штаба. Выяснившиеся результаты были ужасны: округ был совершенно не в состоянии дать ранее двух месяцев что-либо в действующую армию, даже при условии немедленной присылки новобранцев в имевшиеся кадры. Зима оказалась потерянной. Но что хуже – Главный штаб не закончил даже плана мобилизации по уездам, не сделал расчетов перевозки их по железным дорогам. Все это было представлено мне в полуготовом виде. А ведь надо было еще разослать воинским начальникам и местным властям, те должны были сделать свои распоряжения, собрать новобранцев, распределить их на партии и отправить... Эта схема экстерриториального комплектования была прямо абсурдна: из Барнаула люди ехали в Красноярск, из Красноярска в Омск, из Омска в Томск, из Томска в Нижнеудинск, из Иркутска в Бийск, из Новониколаевска в Иркутск, из Мариинска в Барнаул и т. д. и т. д. Этот бесподобный план подготавливался и проводился не спеша и с сознанием непреложности и правильности работы. На сделанном графике движения всех партий новобранцев была цветная частая сетка перекрещивающихся по всем направлениям линий. Не надо при этом забывать, что мы ведь имели в распоряжении одну магистральную линию железной дороги, и без того загроможденную транспортированием грузов с востока. Естествен был первый вопрос:

- Сколько же времени понадобится для перевозки всех партий?
- Это мы еще не высчитали, это должен сделать отдел военных сообщений.
- Так когда же по вашему плану можно рассчитывать послать части на фронт?
- Нельзя точно сказать. Ставка дала задание подать три дивизии к 1 мая. Но, понятно, с этим не справиться. Это ведь не так просто. А потом, обмундирование еще не получено от генерала Нокса...

Вот к чему привела бюрократическая система, укрепившаяся за зиму в Военном министерстве Омска. Нечего было и думать о посылке на фронт на смену и поддержку выдохшимся бойцам свежих частей. По принятому Главным штабом и не законченному еще плану можно было рассчитывать, при напряжении работы, послать на фронт три дивизии не раньше августа. И то если работу начать немедленно, отказавшись от бумажной волокиты.

Волжский корпус генерала Каппеля спешно готовился в Кургане; Ставке пришлось его сорвать с работы и в полуготовом виде, по частям перевозить в Уфу и западнее. Но это был именно срыв и самое плохое использование тех сил и того последнего резерва, который мог при правильном употреблении дать действительно решительные результаты, так нужные России.

Было еще одно средство добиться этих результатов и тем поправить положение. Как уже сказано, Сибирская армия была очень сильна числом, имела к тому же лучшее снабжение, была и одета и обута и понесла мало потерь за весеннее наступление. Она развивала наступление по главному своему направлению на Вятку – Котлас и по второстепенному – на Казань. Нужно было отказаться от этого плана; первое направление, на севере, прикрыть небольшим отрядом, а всеми силами вести наступление на Волгу, примерно на фронт Казань – Симбирск, ударяя в левый фланг большевиков, сосредоточившихся против Западной армии. Это было возможно сделать, и, если бы это выполнили, хотя и с опозданием, дело было бы выиграно.

Теперь поздно давать хорошие советы, но все эти соображения докладывались в те дни верховному правителю и Ставке; они соглашались, но сделать ничего не могли. Генерал Гайда и его штаб не хотели и слушать о перемене операционных направлений, поддержку в этом они находили у некоторых влиятельных представителей иностранной интервенции, которым казалось важнее всего бить на север, к Архангельску. Так и не было достигнуто взаимодействие двух армий, даже и тогда, когда на Волжском фронте, в Западной армии начались неудачи. А они пришли для большинства неожиданно.

6

Небо казалось чистым, безоблачным, горизонт ясным, заветная цель близкой. Омск в эти дни, совпавшие с ранней мягкой весной, жил спокойной, уверенной радостью. Была как раз Святая неделя, в теплом воздухе трепетали и плыли звуки пасхального перезвона, на улицах весело гудела праздничная толпа. У всех счастливые, улыбающиеся лица, громкий говор, причем, как всегда в нашей милой стороне, преувеличение сверх предела. Известия об успехах армии подхватывались в Ставке, передавались через знакомых, летели в массы, все вырастая, претворяясь в желанную легенду. Говорили уже о том, что наша кавалерия перешла Волгу, Дутов занял Оренбург, что за Волгой всюду восстания крестьян.

Верховный правитель объехал перед тем почти все освобожденные от большевиков местности; когда он был в Перми, там его встречали все слои населения, как народного вождя, выдвинутого самим Богом для спасения Родины. В особняке его на берегу Иртыша в приемной стояла горка, обитая синим сукном, уставленная вся в несколько ярусов блюдами и адресами от Перми; на всех вырезаны слова благодарности и готовности на новые жертвы. Здесь были и от русских женщин, и от духовенства, от крестьян, от рабочих пермских заводов, от городского самоуправления и даже от земской управы созыва 1917 года.

Так же встречали его и другие города. Рабочие знаменитого Златоустовского завода поднесли ему ценную булатную шашку с трогательной надписью, как национальному герою. И в селах при его приезде всюду выходили крестьяне, служили молебны и подносили от чистого сердца скромные хлеб-соль.

Армия, те части ее, которые адмирал объехал, показала ему, что сам народ идет в ее рядах на великое дело, а порыв войск укрепил надежду и уверенность в успехе. Но поредевшие ряды, убогое снабжение и отсутствие обуви заставляли задуматься и искать быстрых способов заполнить недостатки.

– Подумайте только, – говорил верховный правитель, – как они одеты. Нет, – он повышал голос, – как они раздеты, эти герои! И ничего, ни слова ропота. В 6-м корпусе мне был выставлен почетный караул босиком, без сапог.

Но центральные учреждения и тыл казались забронированными непонимающими людьми, о которых сказано: они имели глаза и не видели, имели уши и не слышали. Ведь если бы собрать в тылу белье, одежду и сапоги у тех мужчин, которые сидели там и не желали воевать сами, ожидая от армии новых подвигов и жертв, если бы не раздеть их, эти десятки тысяч людей, сидевших дома, а хоть бы собрать у них лишнее, но собрать действительно и настоя-

чиво, – сколько бы офицеров и солдат было спасено этим. Но глух был тыл, и сказалась полная отчужденность его от фронта.

Успехи армии, ее победное шествие вперед, большие площади новых губерний, освобожденные ею, – все это, наоборот, усилило еще более то ошибочное направление, которое было взято с самых первых дней. Занялись созданием даже нового учреждения – Всероссийского сената. Министерства росли и распухали еще больше, укрепляясь в своем якобы всероссийском размере и значении. Этому немало способствовало и то, что все русские антибольшевицкие вожди и правительства признали адмирала Колчака как верховного правителя России, а его правительство как центр. Помню, какое сильное впечатление произвела телеграмма генерала Деникина о подчинении его и Добровольческой армии адмиралу Колчаку.

«Какой патриотический поступок, какая высота! Действительно, видно, русские люди объединились, чтобы спасти Родину; нет места для личного честолюбия!»

В эти дни торжества русской идеи и победного шествия нашей армии изменилось и отношение союзников-интервентов. Они стали гораздо мягче, исчез нетерпеливый и ворчливый тон. Усилилась их деятельность теперь по разным министерствам, главным образом в иностранном министерстве с его «министром» Сукиным; все вертелось главным образом опять-таки у того же вопроса об официальном признании Антантой Омского правительства как Всероссийского. Это был один из самых острых моментов его. Вот-вот признают, не сегодня завтра, уверяли все иностранцы, а один, наиболее влиятельный, вел кампанию и убеждал верховного правителя в необходимости для признания выпустить новую декларацию, «совсем либеральную и демократическую», чтобы успокоить Антанту. Злой дух керенщины, этой первой ступени интернационала, ожил и через явных и тайных агентов своих вносил снова разрушение среди русских людей в их национальное дело.

Никаких деклараций, понятно, не надо было никому; лишь одно дело могло дать все. Если бы армии наши освободили Русь, если бы правительство, которому весь народ выдал такую могучую поддержку, установило бы в стране порядок и занялось бы творческой работой, – кто мог бы не признать его? Кто?

Армии же были в эти дни в зените своих успехов и славы. Еще усилие, и русское дело выиграно. Но для этого усилия нужно было решиться на изменение плана Сибирской армии, на перемену ее направления на юго-запад для комбинированного удара с Западной армией.

Гайда со своим начальником штаба генералом Богословским приехали в эти дни в Омск с докладом. Мастерски сделанные схемы наглядно показывали, какую силу представляет собой теперешний состав Сибирской армии, ее организацию, группировку и намеченное увеличение. Гайда горячо отстаивал свою идею движения на Вятку, доказывая, что, взявши ее и Казань, будет очень легко дойти до Москвы.

Генерал Р. Гайда

После доклада верховный правитель оставил всех нас обедать; разговор за обедом не касался этого вопроса и шел на самые обыденные темы. Но затем, уже вечером, в кабинете адмирала остались он, Гайда с начальником штаба Богословским, генерал Д. А. Лебедев и я. Снова мы стали доказывать необходимость приложить все силы, чтобы развить наступление на Поволжье и соединиться с Добровольческой армией; иначе вставала угроза, что Западная армия не выдержит. Вставал призрак катастрофы.

Здесь впервые прозвучали те ноты, которые вскоре мне пришлось слышать в Екатеринбурге. Гайда стал очень искусно затушевывать и преуменьшать сделанное Западной армией, восхваляя ловко в то же время общий стратегический план, вспоминая и рассказывая операции и эпизоды из своей армии, набрасывая широкие перспективы занятия им Казани, Вятки, соединения с Архангельском, легкой подачи оттуда английского снабжения и товаров. Нарисовал положение Москвы, которая легко и скоро будет занята тогда Гайдой. Все это он пропитывал стружкой тонкой, умелой лести, вплетая уверения о своей беспредельной преданности верховному правителю, и делал это так искусно, что только постороннее внимание могло заметить неискренность и затаенную мысль.

Разговор делался все интимнее и ближе. Часовая стрелка подходила ко времени отхода поезда Гайды. Перед самым отъездом адмирал Колчак обнял его, расцеловал и, обращаясь к остальным, сказал слова, совершенно неожиданные и глубоко нас поразившие:

– Вот что, слушайте, – он обратился, называя Д. А. Лебедева и меня, – я верю в Гайду и в то, что он многое может сделать. Если меня не будет, если бы я умер, то пусть Гайда заменит меня.

Было больно слышать и видеть, как после этого Гайда, этот очень хитрый и очень волевой человек, склонился к плечу адмирала, чтобы скрыть выражение своего лица – торжествующая улыбка змеилась на его тонких губах; тихим, неслышным нам шепотом что-то нашептывал он в самое ухо верховному правителю.

Вскоре Гайда уехал; вопрос о координации действий Западной и Сибирской армий остался нерешенным.

7

Мне пришлось до середины мая, производя инспекции войсковых частей, объехать города Томск, Новониколаевск, Барнаул, Бийск и Екатеринбург. В Омске я бывал в промежутках между этими поездками, работая там по проверке деятельности мобилизационного отдела Главного штаба и частей Омского гарнизона.

Одно из коренных заблуждений наших заключается в том, что дело можно делать, сидя у себя в кабинете и управляя с помощью бумаг и телеграфа. И в обычное-то время, при прочном и стройном государственном аппарате, этот способ дает плохие результаты, а в наши дни послереволюционного развала результатов не получается никаких. Так было и здесь во всех ведомствах; писались выложенные доклады-проекты, по ним составлялись бумажные распоряжения и рассылались по почте и телеграфу; после этого составлялся новый доклад о проведенных мерах, и дело считалось сделанным. Центральные и подчиненные им окружные или губернские органы успокаивались на сознании исполненного долга, проводя затем таким же способом вереницу других вопросов.

На местах же обыкновенно происходило дело так: местные агенты военной и гражданской власти получали эти распоряжения и каждый поступал сообразно с его разумением и свойствами. Иногда бумажное распоряжение клалось в стол безо всякого применения, у других были попытки провести его в жизнь, третьи, возмущенные неприменимостью распоряжения из центра к местным условиям, заводили спор и переписку; в большинстве случаев эти распоряжения, казавшиеся издали так законченными и полезными, не оказывали никакого действия, будучи безжизненными. Последствия такой системы были те, что центр успокаивался на самообмане исполненного дела, – местные же органы привыкали к мысли, что центр не способен и не желает вести настоящей, согласованной, руководящей системы. Все сводилось к бумажному управлению и бумажным отчетам. Это и есть то, что называется бюрократической системой; в этом самообмане и успокоении и заключаются ее вредные стороны.

Жизнь же всякой страны требует для успеха другого рода деятельности, жизненного и живого. То есть такого, который был бы основан на знании местных условий, соответствовал силам и проводился бы всеми частями государственного аппарата, от центральных органов до последней периферии, – быстро, стройно и цельно. Для этого нужно:

- 1) изучение местных условий через местных агентов и через агентов центра, разъезжающих по местам;
- 2) на основании общей идеи и местных условий должны отдаваться из центра директивы, направляющие работу, вводящие ее в определенный план;
- 3) постоянное руководство работой на местах центральными органами через своих агентов и постоянный контроль.

Для этого должна быть деятельность канцелярий сведена до минимума с очень небольшим личным составом, а деятельность чисто активную, разъезды и работу на местах необходимо развить, особенно вначале, до высшего напряжения. На это не приходится жалеть ни людей, ни средств. Но эти разъезжающие и руководящие на местах агенты не должны, понятно, являться только грозными контролерами с олимпа, а настоящими руководителями и помощниками в работе местных органов, обладая для того достаточной подготовкой и большими полномочиями центральной власти.

Эти выводы нашли ясное и полное подтверждение во время моих объездов по инспекции войсковых частей. Картина была во всех городах почти одна и та же. Русские люди хотели работать, начинали дело, но вскоре наткнулись на препятствия, неясности, несогласованность; возникали трения, из-за пустяков дело тормозилось. Писалось в центр, но оттуда разъяснения и руководство или сильно запаздывали, или же получались совершенно неправильные, еще более затрудняющие дело.

Оказалось, что работа по формированию частей для посылки на фронт заглохла и была почти без движения; такая же участь постигла и школы подготовки младшего командного состава. Офицеры, бывшие над попытками начать дело и вести его, не хитрое, простое, привычное им дело, получали вместо руководства ряд бумажных распоряжений, иногда противоречащих одно другому, не могли даже начать его; или же начинали, наткнулись на затруднения, не могли их разрешить, бились над этим, и долго бились, но безуспешно. Дело не шло.

Всюду меня встречали сначала прежней, традиционной встречей, как ревизора из центра, которому надо показать все благополучие, втереть очки; который будет греметь, пыжиться, разнесет для порядка и уедет, после чего можно будет снова погрузиться в прежнее инертное состояние.

Но моя формула работы по инспекции была иная:

– Посмотрим вместе, что и как сделано у вас, ваш план, совместно сравним его с планом, составленным в Главном штабе и в округе, выясним все местные условия и затруднения. И затем давайте сразу и начнем работу. Я имею полномочия помочь вам и устранить все затруднения. Пробуду столько, сколько вам нужно, чтобы дело пошло.

Без всяких парадов, без специально назначенных часов собирались мы, местные работники и я со своими помощниками, с раннего утра, в часы, назначенные их постоянным расписанием дня. И вместе начинали работать. Через несколько дней дело выяснилось, все препятствия совместными усилиями были устранены. И получался от этой работы сразу ощутительный результат, который вместе с простым и ясным планом были лучшей гарантией успеха.

Через несколько дней, уезжая, мы расставались как люди, связанные общими интересами и общим делом, расставались, в большинстве случаев, друзьями.

Когда я выехал в первый раз и прибыл в Томск, в пути была получена телеграмма из Ставки, что верховный правитель приказал принять все меры к возможно большему привле-

чению офицеров из тыла на фронт, так как действующие части испытывают острый недостаток в младшем командном составе.

Безо всякого ущерба для местного дела мне удалось отправить на фронт в три дня из Томска двести офицеров, из Новониколаевска – сто семьдесят. Делалось это так: собирал начальников частей со списками личного состава, проверял их, а также деятельность части, устанавливал, сколько офицеров необходимо оставить, а остальным – три дня на сборы, и специальным эшелоном в действующую армию.

При этом выяснялись попутно прямо невероятные вещи. В Томске числилось свыше ста отдельных частей, и из них только около десяти были чисто строевые, необходимые для фронта. Среди остальных же были некоторые, еще образованные Комучем в Казани и Самаре, эвакуированные отряды; существовал химический батальон, имевший сорок офицеров и десять солдат, инженерный учебный полк с еще более невероятной пропорцией и др.

– Как давно ваша часть существует? – спросил я командира инженерного полка.

– С августа 1918 года.

– Ваши задачи?

– Подготавливать для армии младший командный состав и чинить инженерное имущество. Мы имеем много мастерских...

– Много мастерских?... А сколько вы отправили в армию подготовленных офицеров, солдат?

– Пока ни одного.

– Сколько доставили инженерного имущества?

– Тоже пока ничего. Нам никто не присылал для исправления...

Химический батальон имел какие-то вывезенные с Волги баллоны и собирался вырабатывать ядовитые газы. Это в нашей-то России, в Гражданской войне...

Были и еще части, абсолютно не имевшие никакого значения или даже вредные тем, что, ничего не давая делу обороны, они поглощали большое количество денег и отвлекали много людей. Не скажу, чтобы эти люди, уже месяцами привыкшие ничего не делать, легко сдавались и охотно ехали на фронт; наоборот, они приводили всевозможные аргументы, жалобы, посылали телеграммы в Главный штаб. Но все же через три дня эшелон с офицерами отправился в действующую армию.

В Томске, этом большом университетском городе, поражало и бросалось в глаза чрезвычайно большое число молодых и здоровых штатских людей, слонявшихся здесь без дела, в то время, когда на фронте был дорог каждый человек, армия испытывала острый недостаток в младших офицерах. А здесь как раз было много подходящего материала, учащейся молодежи. Их можно было завербовать всех без вреда, так как наступали летние вакации, да кроме того, все здания учебных заведений были реквизированы, как необходимые под постой наших и чешских войск. И ведь так ясно, казалось бы, что все усилия должны были быть направлены на то, чтобы возможно быстрее окончить Гражданскую войну, выместить из России сор интернационала, а тогда уже налаживать и учение.

В Томске же я впервые увидел наглядно безграничную наглость чехословацких руководителей, поощряемых некоторыми из интервентов. Сюда пришла на постой 2-я чешская дивизия; остальные дивизии распределены были по квартирам в городах по линии железной дороги между Омском и Владивостоком. А месяца полтора перед тем по всей Сибири разъезжала междусоюзная квартирная комиссия в составе по одному представителю от англичан, французов, итальянцев, румын, чехов и американцев; был прикомандирован к комиссии и один русский офицер. Эта комиссия в нашей стране распоряжалась по-своему, все лучшие помещения отводили для иностранных войск, состоявших главным образом из наших бывших военнопленных, притом русские интересы в расчет совсем не принимались.

Нам были необходимы тогда же казармы для вновь формируемого в Томске егерского батальона и для военно-училищных курсов, подготавливавших в действующую армию портупей-юнкеров. Подходящие здания были выбраны и отведены. Но оказалось, что они были раньше предназначены междусоюзной комиссией для чехов. Я приказал тогда, на основании имевшихся у меня полномочий высшего русского командования, отвести чехам другие казармы, а эти, так необходимые для нас самих, занимать. Объяснил это при личном свидании начальнику 2-й чехословацкой дивизии; причем затруднений не было, так как чехословаки еще не выгружались из своих вагонов. Надо сказать, что они вообще не желали расставаться с вагонами, полными всякого скарба и имущества, приобретенного ими за время пути их от Волги до Сибири, и целыми месяцами держали десятки тысяч вагонов. Чех-полковник на словах согласился, но, только я уехал из Томска, вслед телеграмма, что чехи силой хотят занять епархиальное училище, назначенное для военно-училищных курсов. Понятно, на силу ответить силой мы в то время не могли, хотя такое движение имело бы успех и было бы встречено населением восторженно – в массах русских солдат и среди населения накопилось много озлобления против наглых «освободителей»; когда еще в марте я был в Иркутске с Ноксом, во многих местах города мы видели надписи на стенах, сделанные полуграмотной рукой простого человека: «Бей жида и чеха. Спасай Россию. Чехи убирайтесь домой в...» – и т. д.

Попытались действовать через чешского главнокомандующего, французского генерала Жанена. И вот потянулась история на целые полтора месяца. Французский генерал на словах соглашался с нами, обещал, издали грозил даже чехам, а на деле выходило другое: он писал им, что «их справедливые желания столкнулись с желаниями русских, и он, Жанен, просит чехов уступить». Те отказывали; тогда Жанен писал нам, что не может ничего сделать, надо нам уступить чехам. Только когда верховный правитель вышел из терпения и заявил, что вред, приносимый армии проволочкой времени, заставит его пойти на крайние меры, до применения силы оружия включительно, – чехи и их французские руководители пошли сразу на уступки. Видно, нужно было говорить с ними с самого начала другим языком...

Генерал М. Жанен

Иначе, как наглым, отношение массы чехословацких войск назвать было нельзя. Представьте себе целые толпы этих людей со славянским говором, одетых в новенькие и щеголевато сшитые русские шинели и мундиры, в новых наших же сапогах и фуражках, без погон, но с русским оружием, почти все с длинными всклокоченными волосами-космами; они бродили целыми стаями по улицам всех сибирских городов, толпились на станциях, ничего не делая и не желая делать. Когда возникал вопрос о несении ими караульной службы в гарнизонах, они отвечали – это не их дело, пусть несут русские или кто хочет. Они захватывали большие склады продовольствия и фуража, питаясь лучше любой русской части. Они сидели, здоровые и сытые тунеядцы, за спиной многострадального Русского фронта, где офицеры и солдаты были в рубище, терпели во всем недостаток. И в то же время взглядами, жестами и всем внешним видом большинство чехов выражало какое-то непонятное презрение и нескрытую радость нашему горю и неудачам. Они были в большом почете и всячески ублажались нашими левыми, социалистическими элементами, ведшими дружбу и скрытую работу с их командным составом и политическим центром.

Как я уже писал, в Томске мне пришлось увидеть ту бездну, которую подготавливали русскому делу эсеры. Ко мне шли многие русские люди разных положений и занятий, зная, что я генерал, присланный верховным правителем, шли и несли для передачи ему многое, что иначе не доходило и тонуло в многоярусных омских канцеляриях. Шло само русское горе, надеясь на исцеление. Понятно, я не имел права пройти мимо этих сторон жизни, не мог ограничиться только военной инспекцией, так как вся работа эсеров и сродных им организаций была направлена главным образом на то, чтобы мешать и вредить делу организации армии, расшатывать страну и свести на нет наши военные успехи. Это был враг опаснее большевиков, потому что действовал он не в открытую, подготавливал тайный внутренний фронт в тылу. Отсюда и из других городов я привез адмиралу, помимо доклада о воинских частях, обширные фактические материалы, доказывавшие преступную, антирусскую работу социалистов-революционеров и связь их с большевиками.

Верховный правитель рассмотрел все, выслушал подробный доклад, и впервые я заметил выражение усталости в его глазах.

– Да, да, все это так, – сказал он, – я и раньше многое знал; надо принимать меры. Но приходится действовать очень осторожно. Ведь союзники и до сих пор убеждены, что эсеры выражают мнение народных масс и опираются на них...

8

Богатейший Алтайский край с его серьезным, деловитым населением, потомками первых колонизаторов Сибири. Люди отсюда рвались теперь на борьбу против большевиков, отдавали ей все и хотели одного – скорее покончить войну, раздавить гидру интернационала и начать спокойную прежнюю жизнь. Здесь пахло на меня старой Россией, близкой и дорогой всем нам и так ненавистной социалистам всех толков. Барнаул, столица края, стоял почти наполовину обгорелый, – социалисты, выпустив из тюрьмы в первые же дни революции уголовных преступников, сожгли вместе с ними город, продолжая свой опыт в 1917 году. Но теперь жизнь налаживалась, шла большая работа во всех отраслях. Отличное впечатление произвели своими кадрами батареи и полки, расквартированные там.

– Вот только не дают нам пополнения. Влили бы местных крестьян и алтайцев, ведь это же лучший элемент, и сами просятся, – говорили мне старшие офицеры. С такими же заявлениями приходили и депутаты от крестьян, горожан и инородцев.

Бийск, другой город Алтая, носил ту же физиономию деловитости, работы и общего страстного желания национального возрождения страны. Ранняя весна развезла глубокие снега, и на улицах грязь стояла по ступицу.

– Наш город славится тем, – безобидно смеялись над собою бийцы, – что он самый грязный город в России. У нас даже открытки есть: целый воз утонул весной на улице.

Зато жизнь стоила здесь гроши и была всем доступна. В ресторане за полный обед брали всего полтора рубля по тогдашнему курсу. Чувствовались между всеми те хорошие настоящие отношения, когда каждому живется хорошо и все имеют свой достаток, не вырывая куса друг у друга. Даже и выражение лиц у большинства было то, к которому мы привыкли у себя на Родине раньше: спокойное, ласковое и мягкое, без малейшей печати жадности, злобности, торопливости. Лишь изредка попадалось лицо, искривленное злобой, худое и черное, со взглядом устремленным враждебно на все. Это были партийные работники, разрушители жизни. Эти угловатые фигуры и эти лица с печатью нечеловеческой злобы вы встретите во всех странах Старого и Нового Света. Как вечные жида, как потомки Каина, разбрелись они, отягченные преступными мыслями, собираясь всюду разнести тот ужас разрушения, тот дым пожаров, моря крови и слез, те руины городов и селений, которыми они покрыли великую Русскую землю.

Около церквей толпился народ; шли великопостные службы, и целыми днями огромные толпы направлялись на исповедь. Здесь было братство и равенство не на словах, сюда шли люди всех состояний и классов, шли рядом и получали одинаковое утешение, надежду и духовную свободу. В часы перерыва, между горячей работой в местных воинских частях, я шел в эту толпу, старался ближе подойти к ней, узнать ее подлинные настроения.

Всюду была тихая радость от новых, получаемых ежедневно сведений об успехах наших армий на фронте, была спокойная надежда, что приходят к концу дни великих потрясений и испытаний народных. И почти всюду читался в умных светлых крестьянских глазах затаенный вопрос; некоторые спрашивали прямо:

– Что же будет потом? Объясните нам, ваши благородия. А то читали мы в газетах объявление начальства, да неясно как-то. Опять, мол, Учредительное собрание будет, а из кого – неизвестно. Неужто опять этих жидов туда напустят. Ведь какой же порядок тогда возможно сделать?!

– А что вы хотели бы?

– Да нам ничего не надо, только чтобы опять все по-старому, по-хорошему было, как до войны.

Надо понять вам всем, господа иностранные благожелатели России, что наша жизнь была отлична от вашей во всем. То внешнее неустройство и некультурность нашей русской жизни, которые бросались в глаза вам, возмещались гораздо более ценным преимуществом; у нас отсутствовала конкуренция, та, что держит вас всех в своих жестоких тисках, наша жизнь текла неторопливо и спокойно, и постороннему глазу это казалось простой ленью и отсталостью; нигде, кроме России, человеческие отношения не заключали в себе такой мягкости, такого альтруизма и чисто христианского братства; никто не умеет так, как русские, удовлетвориться своим положением; не было у нас в массе зависти, и не было на свете народа лучшего и более доброго, чем русский народ. Мы не заостенели, как многие думали, в своих формах, а мы тихо, спокойно и верно шли вперед, развивали свою собственную культуру, шли своим историческим путем. А наша страна так богата и так неиспользована, что хватило бы всем нам и нашим потомкам на многие и многие поколения. Где еще можно встретить такие картины: крестьянин-алтаец запрягает телегу, едет на берег реки и топором накалывает каменного угля,⁴ нагружает телегу, везет к себе домой, и на неделю-две его семья обеспечена топливом.

⁴ Из пласта, выходящего прямо на поверхность земли.

В нашей стране эксплуатации народа не было и быть при таких условиях не могло. Но вот нахлынули на Русь жадные, озлобленные люди, ничего общего с Россией не имевшие и ненавидевшие ее. Широкий грязным потоком устремился на нашу землю интернационал, которому не было никакого дела ни до нашего народа, ни до его истории, ни до его жизни и культуры. Они жадно раскрыли пасть на наши природные богатства, а чтобы добраться до них, они должны были разрушить русские условия жизни, перешагнуть через миллионы трупов. Дьявольски ловким планом они выполняют вот уже четвертый год это, чтобы затем начать эксплуатировать народные массы беспощадно и систематически с помощью мирового еврейского капитала.

Но борьба еще не кончена. И живы почти неиссякаемые силы народные; не дадут они торжества в России интернационалу. В то время, весной 1919 года, казалось и верилось, что недалек уже день освобождения.

При небольших наездах в Омск я видел, как здесь проникало постепенно сознание опасности от скрытой, противогосударственной работы социалистов. Происходила постепенная чистка государственного аппарата, начиная с кабинета министров, где до сих пор еще сидели партийные работники.

Но слишком медленный, слишком постепенный был путь, к тому же полный каких-то других скрытых и неясных целей, куда вплетались самые разнообразные влияния международной политики через всевозможных агентов интервенции. И трудно было разобраться, где кончалось противодействие интернационалу и где начинались интриги в пользу его; одни и те же люди, разрушая работу социалистов одной рукой, другой поддерживали их. Переплелись самые запутанные и скрытые влияния, закрутились в клубок в Совете министров Омского правительства и тянулись оттуда, незримые, за океан, в Европу и Америку.

Как раз около этого времени началась чистка и реконструкция высшего правительственного аппарата. Мне рассказывал генерал Д. А. Лебедев:

– Застрельщиками являются два министра, два С. С., они образовали такой блок из наиболее энергичных членов правительства. И вот стараются подобрать кабинет, выгнать из него эсеров. Те цепляются за Вологодского.

Но про тех же двух министров шли и усиливались слухи, что они не только сами находятся всецело под иностранным влиянием, но опутывают им и адмирала.

О Вологодском несколько раз слышал я мнение верховного правителя:

– Да какой он эсер! Он уже стар и от всех дел отошел, даже и в партии не состоит. Но понимаете, он здесь необходим, как *vieux drapeau*, – было его любимое слово. А это *vieux drapeau* прикрывало собою всех агентов разрушительной работы эсеров по подготовке восстаний по всей Сибири.

Как-то в один вечер приехал в вагон к генералу Лебедеву один из этих министров С. и предложил мне от имени своих товарищей по кабинету, не соглашусь ли я занять пост военного министра, так как они убедились в полной бюрократичности теперешнего и неспособности его руководить живой работой. Подумав, я отклонил предложение, так как был уже связан со своей новой работой, да и считал, что, оставаясь на ней, я сумею принести больше пользы.

Надо было не устраивать смены министров, а добиться изменения в работе Главного штаба и всего центрального аппарата, заставить работать всех и работать не на бумаге. Вот что было необходимо.

Так и не сумел Главный штаб провести своевременно мобилизацию; а ведь условия были чрезвычайно благоприятны, – население шло очень охотно, с сознанием долга и необходимости; ехали сами, по первому объявлению из городов и сел; толпились с первого дня призыва у канцелярий воинских начальников. Многие приходили и прямо в войсковые части записываться добровольцами. По всему пространству Сибири приходилось слышать такое рассуждение: «Мы бы рады идти воевать, пусть начальство прикажет, все пойдем».

Между прочим, после доклада о массах здоровой и молодой интеллигенции в сибирских городах был проведен приказ о полной ее мобилизации, но допустили опять такие ошибки и недомолвки, что более 50 процентов сумело избежать призыва. Такая же участь постигла и приказ о переосвидетельствовании всех офицеров, признанных прежними комиссиями пригодными лишь к нестроевой службе.

Ведь в эти дни, что Россия переживает теперь, прежние нормальные масштабы неприемлемы. Раньше можно и должно было дать льготу раненому офицеру, зачислить его в более легкую категорию. А теперь... Представьте себе, что вы идете с близкой женщиной, с женой, сестрой, дочерью. Накидываются на нее хулиганы и пытаются насиловать ее. Разве вы станете справляться с вашей категорией, вспоминать старые раны и контузии? Нет, никогда! Вы броситесь на хулиганов и из последних сил будете защищать женщину. Теперь в таком же положении наша Родина; грубо, цинично и нагло ее насилует интернационал. Долг каждого сына России – идти к ней на помощь, освободить ее. Нельзя вспоминать старые раны, преступно справляться с категорией. Не время!

Нужно было помочь тем героям, которые в невыразимо тяжелых условиях бились на фронте и изнемогали в борьбе. Необходимо было бросить все силы на помощь Русскому фронту, нашим армиям, которые выйдя почти к самой Волге, выдохлись, дрогнули и не могли выдержать нового удара красных.

9

Руководители интернационала, абсолютные владыки Красной армии, напрягали все усилия, чтобы спасти свое положение. Они бросили сотни миллионов золотых рублей и тысячи пропагандистов нам в тыл, пользуясь своими связями с разными сродными им организациями в Сибири. На свой фронт они подвезли свежие части, набрав их среди коммунистов, мобилизовав всю свою партию.

Наше высшее командование также напрягало все силы, чтобы помочь Западной армии. Как мы видели выше, – благодаря потере времени, тыл не мог дать в то время ни одного полка. Поэтому собирались все мало-мальски боеспособные части и отправлялись на фронт. В числе их был послан в 6-й корпус и курень Тараса Шевченко, составленный из украинцев-сепаратистов, со своим желто-голубым знаменем, с хохляцким наречием, принятым как командный язык; этому формированию, как и другим – латышским, польским и т. д., – сильно покровительствовала и всячески помогала французская миссия во главе с историческим Жаненом.

Курень Шевченко оказался совершенно распропагандированной частью, как и все, бывшие под покровительством иностранцев. Поставили его в первую линию, на Бузулуцком направлении, где особенно была необходима поддержка. Но украинцы вместо того произвели гнусное предательство. Через несколько дней после прихода, рано утром, когда все еще спали, курень кинулся по выстрелу к винтовкам, перебил своих офицеров, а затем бросился в соседний 41-й полк горных стрелков Урала и открыл стрельбу. В то же время депутация от украинцев отправилась к большевикам доложить о своем иудинном деле.

С этого и началось. Большевики использовали случай, они сейчас же направили в образовавшийся прорыв свои части, усиливая их и распространяясь все глубже. Надо было принять сразу меры против этой опасности. Но сил под рукою не было. Вот тогда-то и начали спешно, по частям, посылать Волжский корпус генерала Каппеля, высаживать эшелоны и бросать их в бой. Однако прорыва заполнить не удалось, угроза обхода отсюда наших частей во фланг увеличивалась, что и заставило Западную армию отходить на восток по всему фронту.

В то же время Сибирская армия продолжала развитие прежнего плана, наступала по двум направлениям, на Казань и на Вятку. Даже начавшееся отступление и неудача на Волжском

фронте не могли поколебать решения и заставить изменить этот неправильный и нежизненный план.

Как раз в эти памятные дни мне довелось быть в Екатеринбурге для инспекции частей Сибирской армии и для устройства там новой военно-инструкторской школы. Когда я прибыл в Екатеринбург и утром заехал в штаб армии, близкие к Гайде люди встретили меня буквально с улыбкой и потирая руки:

– Знаете, а вчера за день Западная армия еще отступила. Наш генерал прав, надо проводить его план.

Все доказательства обратного, все убеждения, что общие интересы, всей России, требуют немедленной помощи Волжскому фронту ударом с севера, в левый фланг красных, что в случае поражения Западной армии будет трещать и операция Сибирской, – все было напрасно. Перед ними стояла твердо их собственная цель, с ее скрытыми сторонами, а Гайда сильной волей и укрепленным авторитетом придавал этому почти непоколебимую устойчивость.

Недели две тому назад Нокс, вернувшись из Екатеринбурга в Омск, рассказывал, прямо захлебываясь, о своих впечатлениях и доказывал необходимость того же плана.

– Гайда так уверен, он прямо по дням рассчитал всю операцию, когда он берет Вятку, соединится с нашими из Архангельска, на другом направлении берет Казань. В первой половине июня Гайда будет в Москве!

А в его штабе в это время шла уже открытая работа эсеров. Некоторые русские офицеры, будучи не в силах остановить разрушительные приготовления, уходили в действующую армию и шли на фронт. У старших чинов штаба опускались руки.

– Помилуйте, – говорили они мне, – нет никаких сил. Докладываем Гайде о преступных прямо действиях, о необходимых решительных мерах. Гайда согласен, отдает приказ, а через десять минут из другой двери, через комнату его доверенного чеха Гусарика входит эсер, и все меняется.

Печать Екатеринбурга и Перми, захваченная, как почти всегда, либералами и социалистами, вела искусную кампанию. День ото дня все усиливая, пели они дифирамбы Гайде, восхваляли его демократизм, называли его спасителем России, единственным человеком, способным на это великое дело. И опять Москва выставлялась как близкая заветная цель. Гайда должен войти в Москву первым!

Вскоре приехал в Екатеринбург и верховный правитель, который в эти тяжелые дни старался личным присутствием помочь на фронте. К приходу его поезда на станции собрались все высшие чины, был построен почетный караул, пешая часть и какие-то конные в фантастической форме, что-то среднее между черкеской и кафтаном полковых певчих. В стороне важно и неприступно прогуливался Гайда, изредка подходя к кому-либо из старших начальников и обмениваясь короткими фразами. Очень интересный и показательный разговор был у меня с ним.

– Что это за часть, генерал? – спросил я, показывая на всадников в коричневых кафтанах, расшитых галунами.

– То мой конвой.

– Что за оригинальная форма у них. Сами придумали?

– Нет, та форма, генерал, исторична.

– ?!

– Бо всегда в России все великие люди, ваш император и Николай Николаевич, все имели кавказский конвой. Я думаю, что если войти в Москву, то надо иметь тоже такой конвой.

– Что же, они у вас с Кавказа набраны, кавказские люди?

– Нет, мы берем здесь, только тип, чтобы близко подходил к кавказскому.

На носках приблизился ординарец и почтительно доложил Гайде:

– Поезд подходит, брате-генерале.

Так было принято у Гайды, по-чешски. Чтобы больше на демократа походить.

Подана команда «на караул». Оркестр играет «Коль славен» (этим церковным гимном в то время заменили мощный, музыкальный и самый красивый в мире русский гимн). Из вагона выходит адмирал Колчак, слегка сгорбленный, с бледным исхудавшим лицом и остро блестящими глазами от бессонных ночей на фронте. Губы плотно сжаты, опустились углы их, и около легли две глубокие складки тяжелых дум. Рапорт. Обходит ряды почетного караула, смотря, по своей привычке, пристальным взглядом в лицо каждого солдата.

– Спасибо, братцы, за отличный вид!

– Рады стараться, ваше... ство-о-о!

– Я только что объехал геройские полки Западной армии; им трудно, на них обрушились свежие части коммунистов. Но, Бог даст, одолеем врагов России. Надо только помочь нашим...

– Рады стараться ваше... ство-о-о, – гремит в ответ в воздухе. И все лица смотрят радостно и возбужденно.

Затем адмирал с Гайдой и еще несколькими лицами проехали в штаб армии. Здесь генерал Богословский, начальник штаба, сделал оперативный доклад по последним сводкам; положение было такое, что само собою напрашивалось решение. Западная армия несколько отступила, и теперь Сибирская армия имела фронт впереди, сильно выдавалась и как бы нависла с севера на фланге у красных. Ударить отсюда сильно, – и полчища большевиков снова побегут к Волге.

Верховный правитель сдавался на это решение, но снова зазвучал тихий, размеренный и настойчивый голос Гайды, снова пошли уверения, что нельзя нарушать плана, что помощь Западной армии гадательна, а здесь мы наверняка-де возьмем Казань и Вятку. И опять вопрос остался нерешенным.

Затем был смотр ударного корпуса, который формировался в Екатеринбурге и составлял резерв Гайды. Как курьез: в него входил «бессмертный батальон имени генерала Гайды» с коричневыми погонями и шифровкой на них: «Б. Б. И. Г. Г.» У всего корпуса были нашивки на рукавах, черно-красный угол, как в дни керенщины. Медленно и внимательно обходил адмирал Колчак все части, держа все время руку у козырька; остро-пронзительно вглядывался он в каждое лицо, как будто хотел запомнить его, как будто хотел передать свою волю, свою горячую любовь к Родине и желание спасти ее. После обхода части прошли церемониальным маршем. Вид людей был хороший, да и обмундирование вполне сносное; подготовка еще не закончилась вполне, но для развития успеха вместе со старыми частями их можно было послать.

После обеда у Гайды, в его особняке, верховный правитель, усталый донельзя и от парада и от стратегических споров, уехал. Вопрос о Сибирской армии был решен так, что она будет продолжать свой прежний план движения на Вятку – Котлас. Между прочим, Гайда в этот день говорил мне, что может взять город Глазов в любую минуту; действительно, там было сосредоточено силы более половины всей его армии.

– Что же вы не берете?

– Сейчас еще несвоевременно. Прикажу взять, когда надо будет.

По возвращении адмирала в Омск он со Ставкой начали принимать ряд отрывистых мер, пытаясь спасти положение. Торопили отправку частей Волжского корпуса. Изыскивали всюду, где можно, и посылали на фронт сапоги и обмундирование. Но в то время мало удалось собрать; дорога из Владивостока могла подавать незначительное количество, не хватало вагонов; да и генерал Нокс, в руках у которого были все запасы, выдавал их по своему собственному плану, мало иной раз считаясь с действительной нуждой русских армий.

Теперь, когда результаты работ, или, правильнее, волокиты, Главного штаба были так печально выявлены, верховный правитель решил идти на крайние меры; была упразднена должность военного министра, а его права переданы начальнику штаба Верховного главноко-

мандующего. Но это было и поздно, да и, пожалуй, вредно, как всякая ломка в тяжелые дни потрясения.

А события шли неумолимым ходом; остановить его или изменить можно было только героической общей работой. Надо было усилить Русский фронт и систематически, исподволь обезвредить тыл от преступной работы, направленной во вред делу спасения страны. С первой задачей справились, вторая ускользнула из рук и погубила все.

Глава 3

Подвиг армии

1

Весна в 1919 году была дружная. Быстро сошли снега, пронеслись вешние воды, сразу выступила яркая, нежная зелень, земля просохла, и наступили теплые дни.

Это время самое лучшее для ведения военных операций. Наши полки и батареи вздохнули после тяжелой зимы. И, несмотря на все недостатки, на малочисленность частей и на перевес красных, наши войска прилагали все усилия сдержать их натиск, остановить наступление. Предпринимался ряд контратак и маневров, но новые обстоятельства свели на нет и эти усилия Западной армии.

Основной план, принятый теперь, состоял в том, чтобы, отступив центром и втянув за собою красных, обрушиться на них с севера, произвести сильный удар в левый их фланг Уфимским корпусом, усиленным частями генерала Каппеля.

Одна из первых частей Волжского корпуса, Бугульминский полк, пополненный зимой значительным числом пленных красноармейцев, в первом же бою был обойден большевиками. Произошло замешательство, растерянность; была сделана попытка пробиться, не удалось, и полк передался на сторону противника. 2-й Уфимский корпус не успел к этому времени сосредоточить своих сил. Операция не удалась.

Западная армия продолжала отступление по всему фронту; в то же время большевики проявляли все больше активности, подвозили свежие войска и начали давить на правый фланг Оренбургской, или Южной, армии.

16 мая, когда я собирался выезжать для вторичного осмотра всех частей Омского округа, чтобы ускорить формирование и подготовку трех дивизий, мне позвонил адъютант верховного правителя по телефону и передал, что адмирал приказал немедленно прибыть к нему. Когда я вошел в его кабинет, там находился уже начальник штаба, генерал Д. А. Лебедев. Адмирал Колчак изложил подробно мне о том, что в Западной армии отступление продолжается вследствие беспорядка в управлении и растерянности, что командующий армией генерал Ханжин просил уволить его в отпуск, так как он чувствует себя крайне утомленным. Поэтому адмирал находит необходимым немедленные перемены в командовании и улучшение управления армией, что он намерен назначить меня сначала начальником штаба Западной армии, а если генерал Ханжин будет настаивать на своем уходе, то и командующим ею.

Я доложил адмиралу, что, как солдат, привык подчиняться приказу, но имею соображения против:

1) я и мои помощники только что втянулись в свою работу по приведению в порядок тыла и уверены, что удастся скоро провести формирования, так необходимые для фронта; что было бы вредно для самого дела бросить сейчас эту работу;

2) что, как я слышал, среди высшего командования Западной армии происходят трения, которые мне сразу будет трудно уладить.

Верховный правитель настаивал и сказал, что он сам с генералом Лебедевым займется тылом. Хотя и с тяжелым сердцем я принужден был согласиться; моим ответом была искренняя мысль, которая руководила всей деятельностью, вне которой я не видел успеха:

– Подчиняясь вашему приказу, я приложу все силы и разумение на работу с Западной армией. Но, ваше высокопревосходительство, позвольте высказать мое убеждение, вынесенное из нашей войны с Германией, из борьбы на Дону, из эпопеи на Волге, из больших личных переживаний, – успехи действующей армии ничего не значат, сводятся к нулю, если тыл не

устроен. А у нас сейчас в тылу полная разруха; необходимо теперь же наладить там внутренний порядок и заставить всех способных носить оружие идти на фронт. Иначе все жертвы на боевом фронте будут бесполезны и даже вредны. Армия исполнит свой долг; лично я отдам все силы ей, но надо заставить работать тыл. Необходимо также вычистить его от социалистов.

– Все это я обещаю сам сделать, – ответил адмирал и благословил меня на новую боевую службу.

Уже при ознакомлении по материалам, имевшимся в Ставке, с состоянием Западной армии, ее положением, с последними данными о противнике и с ходом операции стало вырисовываться много ненормального: было ясно, что работа штаба армии оставляла желать многого; приходилось исподволь и там ввести тот же метод работы, жизненный и живой, без которого немыслим полный успех ни в каком деле.

Пригласив с собою ближайшим помощником полковника Оберюхтина из Главного штаба, я через день выехал в Уфу.

Тяжело было расставаться с делом, в которое я ушел весь, завязал близкие, дружественные деловые связи со всеми начальниками на местах, узнал местные условия. Было грустно оставлять и работу, и тех хороших русских людей, с которыми вместе мы надеялись удачно закончить организацию и чистку тыла. Мои друзья в Омске провожали меня на новую деятельность, и многие говорили, что напрасно я согласился: уезжаю от работы, которую начал налаживать, и еду в армию в то время, когда там ничего уже сделать нельзя.

По пути я сделал несколько небольших остановок, чтобы ознакомиться с ближайшим тылом армии. Первая остановка была в Кургане, где грузились в эшелоны последние части Волжского корпуса и его тыловые учреждения, еще даже не закончившие своего формирования. Части производили хорошее впечатление, чему много содействовал их внешний вид, – новенькое английское обмундирование с русскими белыми погонами; люди были хорошо обуты, имели достаточно белья, у всех имелись шинели и исправное оружие. Здесь же мне было доложено, что социалисты, скрытые остатки учредилловцев, пытались за последние две недели организовать в Кургане тайные собрания и митинги, но им это не удалось, так как почти весь офицерский состав не пошел с ними, а солдатские массы после опытов этой партии в 1917 году не поддавались уже на их лживые речи, не прельщались их дешевыми лозунгами.

Следующая остановка была в Челябинске, где сосредоточивались все тыловые учреждения Западной армии – склады, мастерские, запасные части, все собственное хозяйство армии. В складах имелись различные материалы, мастерские могли изготавливать и чинить обмундирование, обувь, оружие, продовольственные магазины оказались наполненными различным продовольствием на полтора месяца, причем средства района не были еще полностью использованы. Армию можно было считать обезличенной; следовало только объединить деятельность тыловых учреждений с армейскими органами, дать все в одни хозяйские руки; следовало также расширить мастерские и наладить своевременный подвоз. А то выяснялось, что интендант в Челябинске не имел связи с армейским интендантом и, работая довольно много, располагая всякими запасами, не знал точно нужд фронта; весь план заготовок строил на соображениях чисто теоретических. Такая же неувязка была в управлениях – инженерном, артиллерийском и санитарном.

Запасные части были полны новобранцами; молодые парни, в возрасте от 20 до 22 лет, являлись отличным материалом для армии, но при большой работе по их подготовке забывались некоторые стороны, необходимые для фронта; так совершенно не проходили курса стрельбы из-за экономии патронов. Но ведь было гораздо экономнее иметь на фронте солдат, умеющих стрелять, ибо они, придя на фронт, будут выпускать в боях меньше патронов и с большими результатами. Ощущался недостаток в офицерах, причем запасные части не только не собирали их для фронта, а еще претендовали на получение офицеров из действующей армии; не было совершенно школ для повторительного офицерского курса и для подготовки порту-

пей-юнкеров. Все эти задачи требовали разрешения с первых дней моего вступления в новую должность. В течение первого месяца удалось исподволь их наладить, так что с середины июня армейский тыл работал как заведенная машина с исправным механизмом, хорошо прилаженным для нужд фронта.

Промелькнул дивный красавец Урал, с его отвесными скалами, развесистыми соснами и быстрыми горными речками; пересекли у станции Уржумки пограничный столб между Европой и Азией. 20 мая я прибыл в Уфу, в этот чисто русский город, красиво расположенный на высокой горе над могучей, полноводной рекой Белой. За Белой расстилалась и уходила к горизонту безграничная равнина, зеленые плодородные степи; манила и сладко волновала сиреневая дымка их далей, – там были близкие родные места, там желанная Волга. И только стена интернационала, нагло вторгшегося в Родину нашу, отделяет нас от всего близкого, самого дорогого.

2

В тот же день я вступил в должность начальника штаба Западной армии. К этому времени наши части бросили уже Бугульму, оставили Бугуруслан, Белебей и отходили дальше. Два корпуса, 1-й Волжский и 2-й Уфимский, сдерживали на фронте напор красных и прикрывали направление Самара – Уфа, а 3-й Уральский корпус был выведен в резерв на реку Белую севернее города Уфы для отдыха и пополнения. На станции около Уфы выгружались из эшелонов 1-я Сибирская казачья дивизия и Волжская кавалерийская бригада.

23 мая правый фланг Южной (Оренбургской) армии, прикрывавший направление на Стерлитамак, отскочил более чем на 50 верст, оставив этот город и уйдя на восточный берег Белой. Это было полной неожиданностью, так как еще накануне были получены сводки Южной армии о полном успехе в отбитии атак красных и даже о частичном переходе наших в наступление. Создавшееся теперь положение было в высшей степени тяжелое для Западной армии: наш левый фланг был совершенно на весу; между ним и правым флангом Южной армии образовался промежуток более 60 верст, широкая открытая дверь, – от Стерлитамака по западному берегу Белой идет на Уфу большая дорога, которою могли свободно пройти в город силы красных.

Генерал М. В. Ханжин

В Уфе поднялось смятение. Генерал Ханжин в первую минуту предполагал отдать приказ о немедленном отходе за Белую всей нашей армии. Но это было немыслимо, так как наше отступление отдало бы в руки большевиков несколько тысяч раненых и больных, около десятка госпиталей, семьи офицеров и добровольцев, огромные запасы военного имущества и артиллерийские парки. Кроме того, эта поспешность разрушила бы весь план действий, по которому 3-й Уральский корпус и конница должны были к западу от реки ударить по красным, накапливавшимся в промежутке между Западной и Сибирской армиями.

После обсуждения было решено, что нет основания спешить с отходом и отказываться от выполнения этой операции, так как большевики не имели достаточно сил для быстрого наступления в образовавшийся промежуток; кроме того, психология их командного состава и масс не была в то время такова, чтобы идти на рискованные предприятия. Нам же необходимо было рисковать, так как отступление за Белую не было подготовлено, к эвакуации Уфы почти не приступали, железная дорога работала без всякого плана, хаотически и была забита до предела; кроме того, саперы не закончили еще постройку мостов и переправ через реку Белую. Если бы начать отступление тогда же, то мы не только бы не вывезли ничего из Уфы, но не смогли бы отвести в порядке и войска.

Скоро события доказали полную справедливость и правильность расчетов и нашего риска. Город Стерлитамак, оставленный Южной армией, три дня лежал в нейтральной полосе, – красные его не занимали. Генерал Капшель успешно справлялся на левом фланге нашей армии и, переходя к активным действиям, бил короткими ударами большевиков, стремившихся выйти нам в тыл.

Эти дни были самые трудные. Приходилось одновременно налаживать службу штаба, подготавливать новую операцию, переправы через Белую, организовать линию обороны реки и производить эвакуацию Уфы. До чего все было в хаотическом положении, – в конце этой недели ко мне в канцелярию влетел какой-то растрепанный штатский с красным взволнованным лицом. Прерывающимся голосом он начал сбивчиво рассказывать о том, как они не могут справиться и вывезти несколько десятков миллионов пудов разного зерна и муки, погруженных на баржи, на пристанях реки Белой.

– О чем же вы думали раньше?

– Нам только сегодня прислали приказ из министерства.

– Что же вам надо, какую помощь вы ожидаете найти у меня?

Оказалось, по его словам, что они хотели теперь получить в свое распоряжение всю железную дорогу и просили приостановить остальную эвакуацию. Понятно, это было невыполнимо. Так почти все эти большие запасы и достались потом в руки большевиков.

Самое худшее было то, что штаб армии потерял управление и какой-либо престиж, самую тень доверия к себе; почти каждый начальник привык критиковать всякое распоряжение штаба, протестовать, а иногда и не исполнять. Вследствие этого отсутствовала согласованность действий и не было возможности провести цельно какой бы то ни было план. Правда, некоторые основания этому были; даже самая техника работы армейского штаба вызывала такое к себе отношение, – связь с корпусами и отрядами не была обеспечена, военная тайна не охранялась, и доходило до того, что на оперативный телеграф мог прийти всякий, открыто печатались в литографии красивые цветные схемы боевого расположения наших войск с подробным перечислением частей; отдел генерал-квартирмейстера кишел весь день самой разнообразной публикой.

Между прочим, ко мне явились представители французской миссии полковник Ф. и капитан М.; они заявили при первом же разговоре, что почти каждое решение командующего армией делалось известным в городе в тот же день через гостинные и знакомых.

Все это надо было круто и сразу изменить, необходимость вызвала подчас резкие меры. Так же приходилось поступать и в других отраслях. Но все были проникнуты желанием настоящей работы, все с надеждой смотрели на будущее и готовы были на жертвы для успеха. Это облегчало трудную работу и давало много ценных помощников.

В деле эвакуации Уфы и налаживания работы железной дороги неоценимую помощь оказали полковник С. и инженер Д., приехавшие из Омска. Трудность заключалась в том, что ежедневно прибывало много вагонов с эшелонами все подходящих частей и тыловых учреждений 1-й Сибирской казачьей дивизии и Волжского корпуса, забивали станцию, к тому же вывоз

грузов и подвижного состава шел медленно и без плана; к итогу каждого дня число вагонов на станции все увеличивалось и дошло до цифры в две с половиной тысячи.

Опасаясь, что, несмотря на все эти подробности, не удастся обрисовать трудность тогдашнего положения и работы; штаб, усиленный новыми людьми, занимался от 7 часов утра и до 10, 11 часов ночи, почти без перерыва для завтрака и обеда, давая максимум напряжения. Ясно вставала опасность, что если не применить исключительных мер и работы, то неуспех может обратиться в катастрофу.

Немалое затруднение заключалось еще и в том, что организм армии, молодой, неустроенной и почти еще иррегулярной, требовал постепенного ведения операции отхода, – иначе можно было бы испортить все и развалить армию. Клинок хорошей, но необработанной, перекаленной стали согнулся почти в кольцо; если его отпустить сразу, выпрямить мгновенно, – клинок отпрянет со звоном, мелькнет в воздухе молнией метала и разобьется от силы удара на куски, пропадет. Осторожно надо выпрямлять сталь, постепенно отводя концы клинка, бережно храня его...

Необходимо также было считаться и с тем, что наша молодая армия требовала укрепления в ней веры в свою силу, в способность выигрывать дела, побеждать. Это было особенно необходимо теперь, так как неуспех весеннего наступления, неожиданное крушение всех напряжений и результатов значительно подорвали веру и даже расшатали дисциплину, особенно среди высшего командного состава.

Наладив первые шаги новой работы в штабе, генерал Ханжин и я поехали на боевой фронт, чтобы на месте ознакомиться с положением дел. План операции уже приводился в исполнение: 3-й Уральский корпус и 11-я дивизия сосредоточивались на север от Уфы, чтобы ударить по красным, наступавшим на Бирском направлении, вразрез между нашим правым флангом и Сибирской армией. Надо было во что бы то ни стало задержать наступление красных на фронте, пока это сосредоточение не закончится. Эта тяжелая задача выпала на части 2-го Уфимского корпуса.

Была вторая половина светлого мая. Вся земля ярко зеленела новыми всходами, в воздухе звенели жаворонки. Кусты черемухи утопали в пышных белых гирляндах цветов, наполняя воздух своим нежным возбуждающим ароматом.

Родные деревни с их бедными серыми избами, соломенными крышами, с улицами, наполненными веселыми, беззаботными ватагами белоголовых босоногих ребят, шумели как улы пчел, проснувшихся весной от зимней спячки.

А за деревнями чернели батареи, цепи стрелков вели наступление. В прозрачном воздухе плыли белые облака шрапнельного дыма, и гулко, и далеко разносилось эхо выстрелов. В складках местности и в оврагах стояли реверсы.

Все, что приходилось слышать раньше и читать в донесениях о состоянии героических белых частей, бледнело перед действительностью. Маленькие, иногда в 20–25 рядов роты; люди выстроены и выравнены с обычной тщательностью при встрече начальства. Раздается уставная, так знакомая русская команда, бодрые отрывистые фразы; винтовки обычным приемом «на-краул», – все как было сотни лет, когда наша армия создавала Великую Россию, все так же, как было и в недавние дни, когда русская армия спасала на галицийских и восточнопруссских полях Францию, Италию и Англию. Но внешний вид этих русских полков был совершенно отличный от того, какой они имели всегда раньше. Как будто это были не воинские части, а тысячи нищих, собранных с церковных папертей. Одежда на них самая разнообразная, в большинстве своя, крестьянская, в чем ходил дома; но все потрепалось, износилось за время непрерывных боев и выглядит рубищем. Почти на всех рваные сапоги, иногда совсем без подошв; кое-кто еще в валенках, а у иных ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой; татары большею частью в лаптях. Штаны почти у всех в дырках, через которые просвечивает голое тело. Сверху одеты кто как: кафтаны, зипуны, рубахи, и изредка только попадаются солдатский мундир или

гимнастерка. Офицеры ничем не отличались по внешности от солдат. Они стояли в строю, обвешанные мешками и котомками с патронами, и все тело их, согнутые ноги, опущенные плечи, показывало, как эти люди устали за время долгой войны и последних боев. Но узловатые сильные руки крепко сжимали винтовки; у большинства не было штыков. На вопрос, почему так, отвечали:

– Ведь мы все винтовки отнимали от красных, а те не любят носить штык, бросают его.

Не забыть никогда того дивного выражения, полного невыразимой теплоты и чувства высокого подвига, что светились в этих десятках тысяч русских серых глаз. Так могут смотреть только истинные герои, скромные, простые и незаметные, которые молча и всецело отдали жизнь свою для спасения родной страны.

Когда мы стали выяснять нужды войск и записывать их, то оказалось проще записывать не то, чего недоставало, а что имелось; нехватка была почти во всем. И такая неотложная нужда во всем; требовалась немедленная подача снабжений из тыла.

По возвращении в Уфу начали усиленно давить на интендантство и Омск; давление это не прекращалось после того ни на один день, так как даже и с этим прессом мы мало получали и никогда не были в состоянии удовлетворить все нужды армии.

Сосредоточение Уральского корпуса и 11-й дивизии запоздало. Начались бесконечные препирательства и ссылки на усталость, на затруднения, на невозможность, – все то, к чему привыкли некоторые промежуточные начальники раньше, за период иррегулярства. Генерал В., командовавший 11-й дивизией, позволил себе даже заявить прямо, что он приказа о движении не исполнит, так как он обещал дивизии дать отдых. Пришлось его сменить, назначив следствие; дивизию повел новый ее начальник генерал-майор Круглевский, но уже с потерей целых суток.

Из партизан

Командующим армией принимались все меры, чтобы устранить затруднения. Надо было усилить войска артиллерией и пулеметами; работая дни и ночи, собрали все, что было возможно найти под рукой.

Между прочим, докладывают, что в Уфе, на станции, стоит еще одна батарея, французская, с отличными скорострельными орудиями, снабженная всем превосходно сверх меры. Я пригласил офицеров французской миссии Ф. и К. Познакомив их в общих чертах с планом действий, с начавшейся операцией, я просил их дать батарею для 11-й дивизии.

– О, mon general, наши офицеры и люди будут в восторге; они давно рвутся в дело, чтобы помочь русским, – галантно ответили мне французские офицеры. – Но только мы должны раньше спросить генерала Жанена.

– Так, пожалуйста, прошу вас скорее, нам необходима батарея не позже сегодняшнего вечера.

– О, это будет, мы не сомневаемся, что генерал Жанен разрешит. Это только простая формальность.

Вечером приглашаю их снова. Какой ответ?

– Представьте, mon general, мы еще не получили ответа. Вот если бы можно было поговорить по прямому проводу.

– Пожалуйста, телеграф к вашим услугам. Но, прошу, скорее!

На следующее утро опять никакого ответа. Не могли добиться к проводу самого генерала Жанена, а его начальник штаба не брал на себя решения. Подождали до вечера, подготовили автомобильно-грузовую колонну, чтобы батарея могла догнать 11-ю дивизию. Но так никакого ответа получено и не было. Полковник Ф. и капитан К. сами не понимали и как будто искренне чувствовали себя сконфуженными.

Удар по красным на Бирском направлении начался удачно. Их 35-я советская дивизия сначала дрогнула, один полк бежал даже так, что его не могли догнать роты, посаженные на телеги, но запоздание в маршах и несогласованность наступления Сибирской армии, которая наконец-то по приказу Ставки должна была содействовать нам, дали возможность большевикам подвести резервы и задержать наше продвижение. Операция затянулась. А на фронте 2-й Уфимский корпус, истощив все усилия, начал быстро отходить к Уфе. Оставление города и уход за Белую стали неизбежными. Надо было только выиграть время, чтобы вывезти всех раненых и больных, госпиталя и склады интендантских запасов, а также семьи офицеров и добровольцев. Чтобы закончить эвакуацию, железной дороге требовалось еще десять дней, в течение которых войска должны были удерживать за собой западный берег Белой. И это было выполнено благодаря коннице, которая вышла на фронт и прикрыла собою усталых уфимцев.

Могли бы получить и большие результаты, если бы этот сводно-конный корпус под командой генерала Волкова выполнил полно и точно данную ему задачу, вышел бы на фланг красных и произвел оттуда удар, не стремясь занять растянутое фронтальное расположение. Но нельзя требовать идеалов; надо помнить, что блестящие кавалерийские дела редки в истории так же, как редки крупные чистейшей воды бриллианты; и зависят они от исключительных талантов и свойств высшего кавалерийского начальника. Он должен быть смелым до дерзости, быстро находчивым всегда и везде, свободным от всякой заботы о своем тыле, не думать и о своих флангах, а лишь о тыле и флангах противника; он должен знать в совершенстве и уметь использовать свойства всадника и его лошади. Он, как орел, свободно, легко и смело парит в пространстве, чтобы все видеть своим острым взглядом и стремительно бить врага там, где его всего меньше ожидают.

Наша конница работала скромно, без громких блестящих дел, но упорно, постоянно и беззаветно. И здесь, под Уфой, она сделала многое и дала возможность пехоте планомерно, без спеха, совершить свой отход за реку; благодаря этому удалось закончить и эвакуацию.

Железнодорожники старались изо всех сил, особенно когда с приходом полковника Супруновича почувствовалась твердая рука, систематический план и решимость не отступать от него. Весьма характерно, что почти все железнодорожные рабочие, даже деповские, то есть обычно наиболее склонные к брожению, просили вывезти их с семьями, не желая оставаться и работать при большевиках. Удалось вывезти из Уфы все; даже несмотря на преступно небрежное отношение интенданта армии и его помощников, которые бросили склады и поспешили уехать из Уфы, когда ей не грозила еще прямая опасность. Своей поспешностью интендант полковник С. произвел панику, в которой надеялся скрыть многие грехи и злоупотребления. Он был предан военно-полевому суду; на его место назначили другого, которому пришлось из-за потери трех дней доканчивать эвакуацию уже под выстрелами большевистской артиллерии.

Теперь, когда вся Западная армия отошла и заняла новый фронт на восточном берегу реки Белой, первая задача наша была не пустить большевиков за реку, а в случае их переправы сбросить и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом месте – довольно серьезная преграда, мы же успели составить небольшие резервы, выведя из первой линии две дивизии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.